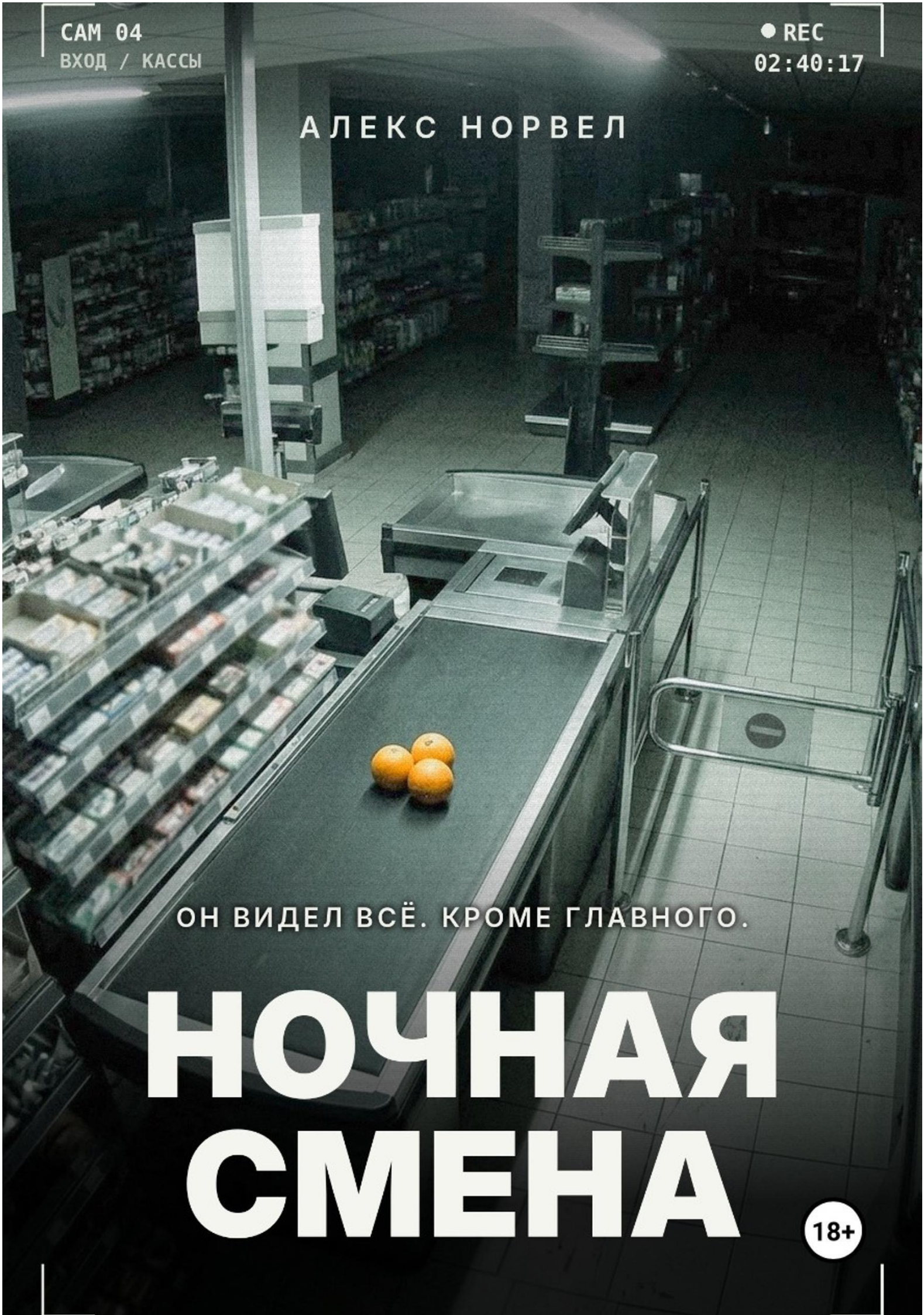

АЛЕКС НОРВЕЛ

ОН ВИДЕЛ ВСЁ. КРОМЕ ГЛАВНОГО.

НОЧНАЯ СМЕНА

18+

Алекс Норвел

Ночная смена

«Автор»
2026

Норвел А.

Ночная смена / А. Норвел — «Автор», 2026

02:40. Молоко, сигареты, три апельсина.Коул Эллис когда-то проектировал здания. Теперь он ночной охранник в круглосуточном супермаркете: шестнадцать мониторов, остывший кофе и тетрадь, куда он записывает ночных покупателей. Он знает, кто берёт кошачий корм по одной банке, а кто плачет у кассы самообслуживания.Женщина в тёмных очках и чёрных перчатках приходит каждую ночь в одно и то же время. Однажды она не приходит. А когда возвращается, у неё под очками синяк и она говорит: «Вы первый, кто заметил».Её муж — богатый девелопер, который зовёт полицейских по именам. У Коула старый «Форд», бессонница и давно забытое чувство, что он снова кому-то нужен.Он знает о камерах всё. Кроме одного: иногда человек смотрит не мимо объектива, а прямо в него.Мрачный психологический триллер о человеке, который слишком внимательно смотрел.

© Норвел А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Журнал смены 6
Глава 2. Трещина 13
Глава 3. Несущие стены 20
Глава 4. Наружное наблюдение 27
Глава 5. Кофе из автомата 35
Глава 6. Там, где людно 44
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Алекс Норвел
Ночная смена

Ночная смена

Глава 1. Журнал смены

02:40. Апельсины. Опять апельсины.

Я написал это на последней свободной строке и перевернул страницу. Ручка оставила на следующем листе три вдавленных слова. Если провести пальцем, можно было прочитать их с закрытыми глазами.

Тетрадь лежала слева от мониторов. На обложке я вывел «Журнал», хотя настоящий журнал смены, в котором полагалось отмечать неисправности и происшествия, хранился в ящике под телефоном. В настоящем за последние три недели значилось: «Мигает лампа над погрузочной площадкой». Потом: «Лампа заменена». Потом лампа снова замигала, но это я уже не записал.

В моей тетради за те же три недели женщина купила двадцать семь апельсинов.

Возможно, больше. Поначалу я не считал.

В десять вечера Гас ждал меня у комнаты охраны с пустым пластиковым контейнером в руках. На дне осталось что-то оранжевое. Макароны или рыба. Он всегда приносил еду, которую приходилось соскабливать.

— В субботу поеду до рассвета, — сказал он вместо приветствия. — Пока лодки не распугали всё живое. Есть место с берега, даже лодка не нужна.

Я снял куртку.

— Хорошо.

— Это не оценка места, Коул. Это приглашение.

— Понятно.

Он подождал. Я повесил куртку на крючок, удерживаемый в стене одним винтом. Винт торчал под углом. Каждый вечер я замечал его и каждый вечер вешал куртку.

— В шесть утра закончу, — сказал я.

— Я знаю, когда ты заканчиваешь. Я здесь работаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что в шесть пятнадцать можно уже сидеть у воды.

Гас посмотрел на контейнер, словно там могло остаться ещё какое-нибудь убедительное предложение. Ему было шестьдесят. Под форменной рубашкой угадывалось крепкое тело, которое с годами обросло мягкими пристройками. На пальце у него остался светлый след от кольца. Само кольцо он носил на цепочке под майкой; иногда доставал, пока ждал, когда закипит кофеварка.

— Не в эту субботу, — сказал я.

— У тебя планы?

— Спать.

— Сон без рыбы — просто потерянное утро.

Он сказал это без особой надежды. Потом снял со спинки стула свою ветровку и стал искать ключи. Они лежали у кофеварки. Я подвинул их к нему.

— Южная дверь заедает, — сказал он. — Дёрни на себя, прежде чем закрывать. И касса у сигарет опять не читает купоны. Если начнут орать, не подходи сразу. Пусть сначала попробуют пережить это самостоятельно.

— Ладно.

— Кофе свежий.

Я потрогал стеклянный кувшин. Тёплый.

— Насколько?

— По геологическим меркам — только что.

Он засмеялся один. Я взял кружку.

Гас остановился в дверях.

— Там тихо. Может, и у тебя будет тихо.

— Надеюсь.

— Я про голову.

Я налил кофе. Он не стал ждать ответа.

Через минуту на шестнадцатом экране Гас пересёк парковку. Подёргал дверцу пикапа, вернулся к карманам, наконец открыл. Прежде чем сесть, посмотрел в сторону магазина. С такого расстояния не было видно, махнул ли он рукой. Я решил, что нет.

Комната охраны прежде служила кладовой. На стене за мониторами сохранились прямоугольники от полок, а возле пола — чёрный след от колеса тележки. Окна не было. Вентиляция выдавала порцию холодного воздуха каждые несколько минут, причём чаще всего мне в шею.

Шестнадцать камер. Кофеварка. Телефон. Два стула, один из которых предназначался для человека, совершившего что-нибудь достаточно серьёзное, чтобы ждать полицию, но недостаточно серьёзное, чтобы его положили на пол. Обычно на нём лежала моя куртка, когда крючок окончательно вываливался из стены.

Камеры показывали вход, кассы, проходы, погрузочную площадку, парковку. У каждой было собственное представление о цвете. В овощном отделе люди казались больными. Возле морозильников — уже выздоравливающими, но ещё не вполне. Четвёртая висела над площадкой между кассами и выходом. Она видела лица тех, кто уходил, если они не смотрели в чек или в телефон.

Звук передавала только камера у касс. Я обычно держал его выключенным. Писк сканеров проходил сквозь стену и без технической помощи.

В начале смены я проверил заднюю дверь, прошёл вдоль морозильников и вернулся через отдел бытовой химии. У прилавка с мясом стояли два закрытых контейнера на колёсах. Пахло мокрым картоном и средством для пола. Ночная кассирша кивнула мне, не переставая считать купоны. Я кивнул в ответ. Мы оба берегли силы для людей, которым платили за право с нами разговаривать.

В двадцать три с небольшим приехал дальнобойщик.

Он всегда входил боком, хотя двери разъезжались достаточно широко. Огромная куртка, кепка, короткие ноги. Перед кассой он снимал очки и долго тёр переносицу двумя пальцами. Я видел его раза четыре. Каждый раз он покупал пакет льда, холодное мясо, хлеб и два банана, один из которых съедал ещё на парковке.

В ту ночь кассирша попросила его вернуться и взвесить бананы. Он постоял, глядя на них, потом отнёс к весам. Ни жеста, ни слова. Только когда наклонился за наклейкой, его плечи опустились так низко, что куртка натянулась на спине.

В тетради я записал: «23:11. Дальнобойщик. Просела крыша».

Подумал и дописал: «К утру доедет».

Откуда мне было знать, доедет ли он.

Я зачеркнул вторую фразу.

Раньше по вечерам я рисовал. План первого этажа на салфетке, разрез лестницы на обороте конверта. Стоило где-нибудь сесть, и рука сама находила угол, от которого можно было начать. Теперь я смотрел на людей и видел то же самое: пролёт слишком широк, опора смещена, здесь держится, здесь давно пора разгрузить.

Пользы от этого было примерно столько же.

В половине двенадцатого пришла старуха за кошачьим кормом. Маленькая, прямая, в плаще с затянутым поясом. Она брала банки по одной, проверяла крышку большим пальцем и ставила в корзину. Двенадцать штук. Потом вынимала одну и меняла на другую.

У неё была тележка для покупок с собственными колёсами, складная, с клетчатой сумкой. В магазинную она её не ставила. Тащила за собой, а корзину несла на сгибе локтя. При каждом шаге банки тихо ударялись друг о друга.

Я вышел за водой, когда она остановилась перед кассой.

— Там на полке ценник другой, — сказала она.

Кассирша взглянула на экран.

— Скидка на упаковку из двенадцати.

— Здесь двенадцать.

— Она должна быть упакована.

Старуха посмотрела на банки, затем на меня. Я был в форме, и это делало меня соучастником.

— Я принесу, — сказал я.

— Мне не нужны все с курицей. Они курицу не едят.

Я остановился.

— Какие вам нужны?

Она перечислила. Четыре вкуса, по три банки каждого. Кассирша провела пальцем по строке на экране, позвала старшего и получила разрешение вручную изменить цену. Старуха следила за каждой цифрой.

Пока ей печатали чек, я придержал её сумку, чтобы она сложила покупки. Сумка пахла стиральным порошком. На дне лежала одинокая картофелина.

— Не мните, — сказала она.

Я отпустил ткань.

— Я про чек.

Она убрала его во внутренний карман, тщательно расправив.

Старые кирпичные дома иногда выглядели именно так. Перекосившаяся веранда, ржавые водостоки, зато входная дверь закрывалась с первого раза. Внутри могли жить шесть кошек. Или двенадцать. Я не знал, кому она покупала корм, и не собирался превращать это в расследование.

Вернувшись, я записал: «23:34. Кошачий корм. Проверяет сдачу».

Это было ближе к тому, что я действительно видел.

Тетрадь я купил в том же магазине. Сначала собирался отмечать время, когда начинал болеть желудок, чтобы выяснить, виноват кофе или таблетки. Через четыре страницы выяснилось, что кофе я пил постоянно, а таблетки принимал когда вспоминал. Исследование прекратилось. Люди остались.

Некоторые записи состояли из одного слова. «Носки». «Кровь» — у мужчины текло из носа, он покупал бумажные полотенца. «Торт» — женщина принесла к кассе замороженный торт и свечи, а потом вернула свечи. Записывая, я ничего у них не спрашивал. Мне это нравилось больше всего.

У женщины с апельсинами сначала тоже было одно слово.

«Перчатки».

Я отлистнул назад.

«02:40. Молоко, сигареты, три апельсина. Чёрные перчатки».

Ниже, другим почерком — я писал стоя, прижав тетрадь к косяку: «02:40. То же. Очки».

Ещё ниже: «02:41. На часах у входа 02:40».

Однажды она взяла литровую бутылку молока вместо большой упаковки. Я отметил и это. Получилась целая строка о чужом молоке. На соседней странице не было ничего о том, что я два дня не открывал почту и третий месяц собирался починить лампу возле кровати.

Я закрыл тетрадь.

В ноль сорок семь появился пьяный философ. Он не считал себя пьяным и, вероятно, не считал философом, но с остальным у него всё сходилось. Чистое пальто поверх мятой рубашки, туфли со сбитыми носами. Он покупал солёные крекеры, а потом возвращался за чем-нибудь, что можно было выпить после двух.

На этот раз он взял бутылку вина и отправился к кассе через отдел садовых принадлежностей, закрытый пластиковой цепочкой. Я увидел на мониторе, как он поднял ногу, подумал и позвал:

— Офицер.

Я вышел.

— Здесь закрыто.

— Я вижу. А зачем?

— Пол мокрый.

Он посмотрел вниз. За цепочкой пол блестел под лампами.

— Везде мокрый. На улице мокрый.

— Там можете ходить.

Он улыбнулся и взялся за цепочку. Я положил ладонь на стойку рядом с его рукой.

— Обойдите с той стороны. До кассы ближе.

Ему требовалось сохранить хоть что-нибудь от начатого разговора.

— Вы целую ночь здесь стоите?

— Иногда сижу.

— Должно быть, много чего видите.

— Крекеры у вас падают.

Он прижал коробку локтем, перехватил бутылку и пошёл в обход. Высокий стеклянный офис с двумя освещёнными этажами. Остальное сдано, но арендаторы не въехали.

У кассы он долго искал карточку, нашёл наличные и потребовал сдачу мелочью. Когда дверь за ним закрылась, кассирша посмотрела на меня.

— Он опять спрашивал, счастлива ли я.

— Что ты сказала?

— Что следующий покупатель.

В комнате я вылил остатки кофе в раковину. На стекле кувшина остался коричневый ободок. Я потёр его губкой, прополоскал и поставил новую порцию. Вентиляция щёлкнула. На экране у погрузочной площадки мигнула лампа.

До двух сорока было больше часа.

Я не сидел всё это время, глядя на часы. Проверил запасной выход. Поднял с пола упаковку батареек. Постоял возле автоматических дверей, пока кассирша курила снаружи: ей не разрешалось оставлять вход без присмотра, хотя вход прекрасно существовал без нас обоих. Холодный воздух тянул по щиколоткам. За парковкой горел знак заправки, и под ним менялись цифры цены за галлон.

Когда я вернулся к мониторам, было два тридцать шесть.

Я подвинул тетрадь ближе.

Женщина появилась у входа в два сорок. Двери раскрылись, пропустили её и ещё несколько секунд ждали того, кто шёл следом. Никто не шёл.

На ней было тёмное пальто до колен. Чёрные очки. Тонкие перчатки, плотно обтягивавшие пальцы. В первый вечер я решил, что она только что села за руль и руки ещё не согрелись. Потом решил, что у неё кожная болезнь. Потом перестал решать.

Она взяла корзину и задержалась, освобождая ручку от ремня сумки. Движение было коротким, почти сердитым. В остальном она двигалась спокойно. Не медленно — именно спокойно, без лишних возвратов и остановок перед полками.

Сначала молоко.

Потом овощной отдел.

К сигаретам она подходила в последнюю очередь: их держали за кассой.

Я видел людей, которые каждую ночь покупали одно и то же. Одни возвращались с работы, другие не могли уснуть. Кто-то ел только тогда, когда заканчивалась выпивка. Повторяющиеся покупки легко объяснялись, пока не приходилось объяснять конкретного человека.

Она не бродила по магазину. Не покупала что-нибудь к чаю. Ни разу не взяла пачку жвачки у кассы. За три недели я не видел, чтобы она достала телефон.

На пятом экране она открыла холодильник, взяла молоко и проверила дату. Лицо отразилось в стекле дверцы, но очки остались очками даже в отражении.

Я встал. На столе лежала упаковка батареек, которую я подобрал раньше. Её можно было вернуть на место.

У овощного отдела ночной работник выкатывал пустые ящики. Одно колесо застряло на стыке плиток. Он дёрнул тележку. Металлическая рама ударилась о край стеллажа.

Сначала был этот удар.

Потом сухой треск, которого в магазине не было. Короткий, рваный. Что-то тяжёлое пошло вниз, ещё не успев коснуться земли.

Я остановился с батарейками в руке.

— Простите, — сказал работник.

Тележка стояла поперёк прохода. Он оттянул её назад, освобождая мне дорогу.

— Ничего.

Я положил батарейки не на тот крючок, снял и повесил ниже. Пластиковая петля никак не хотела попадать на металл. На третий раз получилось.

Женщина стояла в нескольких футах от меня и выбирала апельсины.

Вблизи перчатки оказались не кожаными. Матовая ткань, аккуратный шов вдоль большого пальца. Она поворачивала плод, поддерживая его снизу, затем клала обратно или в тонкий пакет. Два уже лежали в пакете. Третий она выбрала не сразу.

Я посмотрел на ценник, хотя цену знал. Она отложила апельсин с тёмным пятном у плодоножки и взяла другой.

— Пакеты рвутся, — сказал я.

Она повернула голову.

Я указал на рулон.

— Сегодня тонкие. Лучше два.

Она чуть приподняла пакет, проверяя дно. На миг мне показалось, что я сейчас услышу раздражение, или смех, или хотя бы голос, который можно будет связать с человеком за очками.

— Этот выдержит, — сказала она.

Голос был низким и тихим. Никакой особой интонации. Так сообщают, что лифт работает.

— Хорошо.

Я отошёл, чтобы пропустить её к кассе.

Она придерживала корзину обеими руками. Рукав пальто чуть наполз на перчатку; она поправила его движением запястья. Я успел заметить только пуговицу на манжете.

Я мог бы спросить, нашла ли она всё необходимое. Иногда охранники задают такие вопросы, когда хотят поговорить, но не могут придумать повод. Молоко лежало у неё в корзине, апельсины тоже. Сигареты ждали за кассой. Я вернулся в комнату.

На мониторе она уже выкладывала покупки на ленту. Сначала молоко, потом пакет с апельсинами. Сумку поставила рядом с терминалом и достала деньги. Каждый раз наличные. Это ничего не значило: старуха с кормом тоже платила наличными, а дальнобойщик менял карточки так часто, будто собирал их в мотелях.

Кассирша сняла с полки сигареты. Женщина кивнула.

Мне нравилось думать, что я умею определять, кто передо мной. Было достаточно увидеть, как человек держит дверь, ждёт сдачу, смотрит на чужого ребёнка, мешающего пройти. Потом я записывал что-нибудь удачное и несколько часов чувствовал себя менее бесполезным.

С ней не получалось.

Пальто хорошо сидело. Обувь была чистой, на невысоком каблуке. Когда лента остановилась, она не потянулась подтолкнуть молоко к кассирше, а подождала, пока та нажмёт кнопку. Взяла сдачу. Убрала чек. Ни суеты, ни вялости. Я видел фасад и никак не мог найти вход.

От этого хотелось смотреть дольше.

Я включил звук, когда кассирша уже протягивала ей пакет.

— Хорошей ночи.

Женщина что-то ответила. Вентилятор монитора загудел громче, и я не разобрал слов.

Она направилась к выходу.

Четвёртая камера показывала её спереди и немного сверху. Под этим углом люди обычно выглядели застигнутыми врасплох: слишком большой лоб, опущенные плечи, рот, который они забыли закрыть после последней фразы. Она шла, держа сумку на плече, покупки — в правой руке.

Перед дверями она подняла голову.

На секунду лицо оказалось обращено прямо к объективу. Из-за очков нельзя было понять, куда она смотрела. Я всё равно выпрямился в кресле.

Двери разошлись. Она вышла.

Люди часто смотрели вверх перед выходом. На часы. На датчик. На собственное отражение в тёмной полосе стекла. Четвёртая камера висела как раз там.

Я переключился на парковку. Женщина прошла через освещённую полосу и скрылась за краем кадра. Камера не охватывала дальний ряд. Я мог встать и пройти до входа, откуда была видна вся площадка.

Вместо этого я открыл тетрадь.

Написал время. Потом апельсины. Слово «опять» добавил, прежде чем успел придумать что-нибудь ещё.

Теперь я смотрел на вдавленный след на чистом листе. В комнате пахло свежим кофе и нагретым пластиком. На шестом экране работник продолжал возиться с ящиками.

До конца смены женщина больше не появилась. Разумеется, не появилась. Она никогда не возвращалась.

В шесть Гас принёс два бумажных стакана кофе. Свой поставил рядом с моим локтем, второй оставил себе.

— Выглядишь так, будто отработал две смены подряд, — сказал он.

Я взял стакан.

— Спасибо.

Он заметил тетрадь, раскрытую возле клавиатуры.

— Опять пишешь?

— Иногда.

— Про меня напиши, что я уехал на пенсию богатым.

— Это журнал наблюдений.

— Тогда наблюдай за мной получше.

Я закрыл тетрадь и положил в нижний ящик. Гас рассказывал, что перед рассветом ветер стих и вода в субботу, скорее всего, будет хорошая. Я слушал, пока застёгивал куртку. Когда он снова упомянул место с берега, я сказал, что подумаю.

Он сделал вид, что это обычный ответ.

Днём я спал с телефоном под подушкой, потому что на полу не слышал вибрации. Никто не позвонил. Проснулся после четырёх, съел холодный сэндвич и долго стоял у раковины, ожи-

дая, когда вода станет горячей. Из окна было видно парковку за прачечной, мусорные баки и чей-то фургон с пустым кузовом. Я выпил воды из ладони и выключил кран.

К десяти снова был в магазине.

Гас жаловался на спину. На этот раз он ничего не сказал о рыбалке, только попросил не выливать остатки кофе в мусорное ведро: у пакетов текло дно. Я показал ему раковину.

— Мало ли, — сказал он. — Я уже ничему не удивляюсь.

Ночь шла с небольшими изменениями. Старуха не пришла. Заехал другой дальнобойщик, худой, в футболке, хотя на улице похолодало. Взял горячую еду из витрины и съел половину у кассы, пока ждал чек. Я отметил заедающую дверь в настоящем журнале. Потом достал из нижнего ящика свой.

Рядом с кофеваркой осталось мокрое кольцо. Я вытер его бумажным полотенцем и выровнял тетрадь по краю стола.

В два двадцать восемь прошёл к холодильникам. Упаковки молока стояли неровно, передняя полка была почти пустой. Я проверил замок запасного выхода, хотя уже проверял его после полуночи. На обратном пути заметил, что апельсины досыпали. Они громоздились над краем ящика, и один лежал на полу. Я поднял его и отнёс в корзину для повреждённых фруктов.

В два тридцать восемь сел перед мониторами.

На четвёртом экране кассирша вытряхивала из пакета крошки на ладонь. На первом было пусто. У входа колыхался край рекламного плаката: воздух из вентиляции добирался и туда.

Я открыл чистую страницу.

02:40.

Цифры написал заранее. После точки оставил место.

Автоматические двери оставались закрытыми. Я взял кружку и обнаружил, что кофе кончился. В кувшине было ещё достаточно, но я не встал.

На часах стало 02:41.

Я посмотрел на первый экран, потом на шестнадцатый. У края парковки стояла машина с погашенными фарами. Я видел её там с начала смены. К двери подошёл мужчина с пакетом из другого магазина, прочёл объявление на стекле и вошёл.

Я перевёл взгляд на тетрадь. Под цифрами темнел маленький след: ручка коснулась бумаги, пока я смотрел в монитор.

В два сорок три я включил звук у касс. Мужчина спрашивал, где батарейки. Ему объяснили.

Я снова выключил звук.

Она могла купить молоко днём. Могла уехать на несколько дней. В другом магазине тоже продавались апельсины. Я перебирал это, глядя на закрытые двери, и ни одно объяснение не задерживалось надолго.

В два сорок пять я убрал колпачок с ручки в карман, потом достал обратно. Возле кофеварки щёлкнул нагреватель. Я вздрогнул и разозлился.

Её имени я не знал. Не знал даже, на чём она приезжала.

На часах появилась следующая минута.

Я придвинулся к монитору, будто в дальнем конце пустой парковки было что-то, что ещё можно было разглядеть.

Глава 2. Трещина

В три двенадцать я закрыл тетрадь. Раньше, чем обычно. Будто она могла войти и увидеть, что я написал.

До утра оставалось достаточно времени, чтобы проверить замки, обойти подсобку и дважды прослушать, как холодильник у молочного отдела пытается взлететь. Я всё сделал. Холодильник остался на месте. Женщина не пришла.

В шесть Гас положил на стол пакет с пончиком.

— Тот, который ты ешь.

Я посмотрел внутрь. Сахарная глазурь прилипла к бумаге.

— Я любые ем.

— Тогда я угадал.

Он снял куртку и повесил её на спинку моего стула. Я ещё сидел. Обычно к этому времени я уже стоял у двери.

— Что-нибудь было? — спросил он.

— Нет.

Гас посмотрел на мониторы. Потом на меня.

— Хорошая смена.

Я подвинул ему настоящий журнал. Заедающая дверь. Перегоревшая лампа над дальним рядом парковки. Время обходов. Всё, что магазин соглашался считать событиями.

Свою тетрадь я сунул в карман куртки.

Дома положил её рядом с тарелкой. Пока жевал пончик, смотрел на чёрную обложку. На ней оставалось серое пятно от старой наклейки. Я однажды попробовал его оттереть. Стало хуже.

Тетрадь я не открыл.

Лёг в одежде и проспал до звонка будильника. Во сне мне несколько раз приходилось объяснять человеку за дверью, что магазин работает круглосуточно. Он слушал, кивал и снова спрашивал, когда мы откроемся.

На вторую ночь я принёс тетрадь обратно.

Гас сидел перед экраном парковки и ел крекеры из рукава упаковки. На столе лежал сложенный лист с расписанием.

— Посмотри, — сказал он. — Мне поменяли вторник. Сможешь выйти на час раньше?

Я взял лист. Вместо ответа посмотрел на часы.

— Не сегодня, — сказал Гас. — Во вторник. Я к врачу.

— Смогу.

— Просто проверка.

— Я ничего не спросил.

— Вот именно. Приходится самому поддерживать разговор.

Он вытряхнул крошки в ладонь, подумал и отправил их в рот.

— Ты спишь вообще?

— Днём.

— Это я помню. Я о том, получается ли.

Я вернул расписание.

Гас ещё постоял у двери, разминая большим пальцем основание другого большого пальца. Потом сказал, что кофе свежий, хотя по виду кувшина это было спорное утверждение, и ушёл.

Около полуночи я достал Журнал.

Не с последней страницы. С той, где впервые появились апельсины.

Запись нашлась между мужчиной, покупавшим батарейки по одной упаковке, и женщиной, которая вернула замороженный обед, потому что на фотографии горошек был крупнее.

«02:40. Молоко, сигареты, три апельсина. Очки. Перчатки».

Внизу я тогда нарисовал прямоугольник. Не помнил зачем. Прямоугольники я рисовал до сих пор. На полях, на обороте чеков, на запотевшем стекле. Профессия уходила из человека медленнее, чем работодатель.

Через несколько страниц:

«Корзину держит слева, прижав к бедру. Правой берёт товар. Кошелёк открывает левой, корзину ставит на пол».

Ещё через две:

«Ни разу не сняла перчатки. Даже когда искала мелочь».

Я провёл пальцем по этой строчке.

Помнил тот вечер. Монеты высыпались в ладонь, и она перебирала их кончиками обтянутых пальцев. Кассирша сказала, что не хватает двух центов. Женщина снова полезла в кошелёк, хотя рядом стояла чашка с мелочью и кассирша уже потянулась к ней. В результате дала доллар. Перчаток не сняла.

В записи этого не было. Только мои пять слов.

Я пролистал назад и прочёл остальные места, где упоминалась женщина.

«Не берёт пакет для фруктов».

«Ждёт, пока покупатель отойдёт от кассы. Хотя вторая свободна».

«Сегодня другое пальто. Перчатки те же?»

После вопросительного знака ручка прорвала бумагу. Я тогда писал на весу, положив тетрадь на колено.

Я искал в этих записях что-то, что пропустил. Сам не знал что. Пакет с лекарствами. Забытую покупку. Жест, который можно было бы принять за прощание с нашим молоком и нашими апельсинами. Люди меняли магазины без заявления в трёх экземплярах. Мне это было известно.

На восьмом экране покупатель в рабочем комбинезоне зажал телефон плечом и выбирал между двумя одинаковыми коробками хлопьев. Рот у него двигался. Собеседник, видимо, тоже выбирал.

Я вернулся к странице.

Корзина слева. Всегда слева. Прижата не локтем, а всей внутренней стороной предплечья, ручки сведены вместе. Так можно нести вещи, когда другая рука занята. У неё другая рука почти всегда оставалась свободной.

Впрочем, покупатель в комбинезоне тоже держал коробки так, словно от этого зависело устройство мира.

В два тридцать девять я закрыл Журнал, оставив внутри ручку.

Двери разошлись в два сорок две.

Вошёл мужчина в шортах и расстёгнутой куртке. Под курткой была майка, а на ногах — домашние тапочки. Он купил средство от изжоги и семейную пачку острых кукурузных чипсов.

Я дождался, пока он уйдёт, и записал время её отсутствия. Потом зачеркнул.

Чёрная линия получилась слишком аккуратной. Под ней всё читалось.

На третью ночь у кассы самообслуживания заменили рулон чековой ленты. Работник оставил на корпусе отвёртку, и я позвонил на служебный телефон, чтобы он её забрал. Через минуту отвёртка исчезла. Затем вернулась: он забыл закрыть крышку.

Я наблюдал за этим с благодарностью. На несколько минут у меня было законное занятие.

Позже я проверил предыдущие записи ещё раз. Уже не подряд. Открыл середину, прочёл, закрыл. Сделал кофе. Открыл снова.

«Не смотрит на телефон».

Запись была неверной. Я видел телефон у неё в руке, когда она однажды остановилась перед молочным отделом. Не помнил, зажёгся ли экран. Возможно, она проверила время. Возможно, прочла сообщение. Я зачеркнул «не смотрит» и оставил остальное.

Получилось: «На телефон».

Я закрыл тетрадь.

К половине третьего в магазине осталась только кассирша и человек у полки с моющими средствами. Он держал бутылку близко к лицу, стараясь прочесть надпись. Я мог увеличить картинку и рассмотреть его лучше. Вместо этого вывел на большой экран вход.

В два пятьдесят кассирша пошла поправлять стойку с журналами. Я видел, как она подняла с пола обёртку, скомкала и зажала в кулаке. Входная дверь не двигалась.

Три ночи.

Я написал это на нижней строке, отдельно от времени и покупок. Посмотрел на слова. Приписал: «Нет».

Теперь запись выглядела как ответ на вопрос, которого никто не задавал.

Под утро Гас нашёл меня с чашкой у выключенной кофеварки.

— Там что, проросло? — спросил он.

— Похоже, кончилось.

— В кувшине или вообще?

Я поставил чашку.

Он включил воду, вытряхнул старый фильтр. Делал всё медленно, с непонятным мне удовольствием человека, которому скоро предстояло прожить день.

— У тебя кто-нибудь заболел?

— Нет.

— А то вид такой.

Я отошёл от стола, чтобы он мог выдвинуть ящик с фильтрами.

— Одна покупательница перестала ходить, — сказал я.

Гас вытащил фильтр, разлепил края.

— Угу.

— Постоянная. Приходила каждую ночь.

— Может, стала спать.

Он вставил фильтр и посмотрел на меня. Я ждал, что он добавит что-нибудь ещё. Гас обычно добавлял.

Но он только спросил:

— Кофе будешь?

Я сказал, что домой.

На четвёртую ночь я пришёл на одиннадцать минут раньше. Гас ещё не успел выбросить контейнер из-под ужина.

— Вторник через три дня, — сказал он.

— Знаю.

— Просто чтобы у нас обоих совпало.

Он собрал вещи, а я занял его место. Стул был тёплым. От этого мне всегда казалось, что я тороплю человека уйти.

Первые часы прошли без происшествий. Парень с красными глазами купил два энергетика и пакет льда. Водитель грузовика долго не мог вспомнить код карты, потом вынул из кошелька бумажку. В час сорок кто-то разлил у холодильника сливки. Работник принёс швабру и жёлтый знак с падающим человечком.

Я записал сливки в настоящий журнал.

Личный лежал в нижнем ящике. Я выдвинул ящик, проверил, на месте ли он, и закрыл.

В два тридцать восемь я смотрел на вход. Сознательно. Больше не притворялся, что мне нужен общий вид торгового зала.

Она вошла в два сорок одну.

Я не сразу узнал её. Дело было в волосах: они остались под воротником пальто, и лицо выглядело уже. Потом я увидел перчатки.

Чашка стояла рядом с локтем. Я задел её, и холодный кофе перелился через край на стол. Поставил чашку в сторону, нашёл бумажное полотенце. Пока промакивал лужу, женщина уже взяла корзину.

Я переключился на молочный отдел.

Она шла медленнее обычного. Или я впервые следил за каждым шагом. Левой рукой придерживала корзину, правой расстегнула сумку, что-то проверила и закрыла. У холодильника постояла, не открывая дверцу.

Я наклонился к экрану.

Тёмные очки сидели чуть ниже. Под краем правой линзы виднелось пятно. При таком свете кожа часто приобретала неправильный цвет: зеленоватые виски, серые губы. Я прибавил яркость. Пятно осталось.

Когда она повернулась к фруктам, я увидел его с другой камеры. Синяк выходил из-под оправы на скулу.

Я убавил яркость обратно.

Женщина взяла один апельсин, потом второй. Третий подняла, задержала в руке и положила к остальным. У меня почему-то отпустило плечи. Она делала привычные вещи. Корзина, молоко, три апельсина. Пальто застёгнуто до самого верха.

Возле касс она остановилась.

Кассирша обслуживала мужчину с полной тележкой. По ленте ехали банки супа, хлеб, упаковки воды. Мужчина выкладывал товар, не глядя по сторонам. Женщина прошла мимо него к кассе самообслуживания, ближайшей к выходу.

Я вывел четвёртую камеру.

Оттуда была видна стойка, её плечо и часть лица. Она поставила корзину на площадку и несколько секунд держала руки на ручках. Потом достала молоко.

Сканер пискнул.

Она поставила бутылку в зону упаковки и взяла апельсины. Все три сразу, прижав к груди ладонью. Один выскользнул. Она попыталась поймать его, и два других тоже упали.

Звука я ещё не включил. На экране всё произошло бесшумно: один апельсин ударился о край стойки, второй покатился под соседний терминал, третий остановился возле её ботинка.

Она смотрела вниз.

Я ждал, что она наклонится. Потом подумал, что наклоняться ей больно.

Она подняла руку к лицу и остановила её, не коснувшись очков. Плечи дёрнулись. Один раз. Ещё.

Я включил звук.

— Неизвестный товар, — сказал терминал.

Она стояла, опустив голову. Кассирша спросила у мужчины, нужен ли ему лёд в отдельном пакете.

Я уже держался за ручку двери.

По инструкции я должен был связаться с кассиршей. Она могла подойти, помочь, при необходимости вызвать старшего. Я два года выходил из комнаты по расписанию, по вызову, на сработавший датчик. Даже за водой шёл, когда наступало время обхода.

Дверь закрылась за моей спиной.

В коридоре горела половина ламп. На полу у стены лежал обрывок упаковочной ленты. Я переступил через него и вышел в торговый зал.

Там пахло средством для пола и горячим хлебом, который размораживали к утру. Всё оказалось громче, чем в комнате. Холодильники, ролик кассовой ленты, голос мужчины, повторявшего, что пакет ему не нужен.

Женщина стояла там же.

С близкого расстояния я увидел слезу у края очков. Она добралась до щеки и исчезла за воротником. Рот женщина держала закрытым, будто ещё можно было ничего не заметить.

— Сейчас, — сказал я.

Она повернулась ко мне так резко, что я остановился.

— Апельсины, — добавил я.

Самый близкий лежал между нами. Я поднял его, потом встал на одно колено у соседней кассы. Второй закатился за ножку стойки. Пришлось вытянуть руку почти до плеча. На рукаве осталась серая пыль.

Третий я нашёл возле стойки с подарочными картами.

Когда поднялся, она уже вытирала щёку перчаткой. От этого только стало мокрее.

— Они грязные, — сказала она.

Голос был тот же, низкий, только теперь в нём что-то сломалось.

— Я принесу другие.

— Нет. Не надо.

Я стоял с тремя апельсинами в руках.

— Их всё равно чистить, — сказала она.

— Да.

Я положил их рядом с корзиной. Один был мягким в месте удара. Я повернул его в ладони, и она заметила.

— Этот тоже.

Я положил и его.

Терминал предложил отсканировать следующий товар. На экране вращалась картинка пластиковой бутылки, хотя бутылка уже стояла на другой стороне.

— Простите, — сказала женщина.

— Всё нормально.

Она покачала головой. Не мне. Кому-то, кто успел сказать это раньше.

Я сунул руку в карман. Там лежали ключи, колпачок от ручки и сложенная бумажная салфетка, которую я взял вместе с ужином. Салфетка осталась чистой. Я развернул её наполовину и протянул.

Женщина посмотрела на мою руку.

Этой паузы хватило, чтобы я вспомнил пыль на рукаве, тёмную полосу на манжете, слишком короткие ногти. Я держал салфетку за самый край.

Она взяла.

— Спасибо.

Кассирша наконец посмотрела в нашу сторону.

— Всё в порядке?

— Да, — быстро сказала женщина.

Я обернулся.

— Просто упали фрукты.

Кассирша кивнула. Мужчина у неё спросил про купон. Она снова повернулась к экрану.

Женщина осторожно прижала салфетку под очками. Я отвёл глаза на терминал. На нём была кнопка вызова сотрудника и картинка довольной семьи с бумажными пакетами. Все четверо смотрели прямо на меня.

— Вам помочь закончить? — спросил я.

Она убрала салфетку от лица.

— Я могу сама.

— Конечно.

Я отступил на полшага, но не ушёл. Она взяла апельсин, провела над стеклом. Ничего не произошло.

— Тут надо выбрать, — сказал я и указал на кнопку.

— Знаю. Я просто…

— Да.

Она нажала на экран. Перчатка скользнула, кнопка не сработала. Тогда она надавила костяшкой пальца. Открылся список фруктов.

Я смотрел на её левую руку. На узкую полоску ткани между рукавом и перчаткой. Кожи не было видно совсем.

Она выбрала апельсины, положила их на весы и дождалась сигнала. Сделала это медленно, точно, как человек, который несёт до края стола переполненный стакан.

— Сигареты, — сказала она, посмотрев в сторону обычной кассы.

— Я позову.

— Не нужно. Сегодня не нужно.

На щеке блестела мокрая дорожка. Синяк под очками был темнее по краю, ближе к носу уходил в жёлтый. Я заметил, что смотрю, и перевёл взгляд ей на рот.

Она сжала салфетку.

— Спасибо. Вы первый, кто заметил.

Я услышал, как у обычной кассы открывается денежный ящик.

Сказать «что заметил?» было бы просто. Я мог спросить, нужна ли ей помощь, нужно ли кому-нибудь позвонить. На моей рубашке была нашивка охраны. В комнате лежал список телефонов на случай пожара, кражи, травмы. Для каждого случая существовала отдельная строка.

— Вы можете посидеть, — сказал я. — У нас в коридоре есть стул.

Она посмотрела мимо меня, на служебную дверь.

— Мне нужно домой.

— Хорошо.

Я сказал это слишком быстро.

Женщина положила салфетку на край терминала и сунула в купюроприёмник смятую десятку. Автомат подумал и высыпал сдачу в лоток. Она её не взяла.

— Пакет? — спросил я.

Она кивнула.

Я расправил пластиковый пакет. Она положила в него молоко, потом апельсины. Раздавленный повернула мягким боком вверх. Я протянул ей чек. Она взяла его, не глядя, и сунула в сумку.

Я хотел сказать что-то ещё. Подходящей фразы не оказалось. «Берегите себя» звучало как надпись на обороте магазинной карты. «Приходите ещё» — как просьба.

— Спасибо за салфетку, — сказала она.

— Пожалуйста.

Она подняла пакет. Я освободил ей дорогу.

Проходя мимо, женщина на секунду посмотрела мне в лицо. Очки мешали понять, встретились ли наши взгляды. Я всё равно кивнул.

У дверей она поправила сумку на плече.

Я остался возле терминала. На экране уже предлагали следующему покупателю начать покупки. Пустая корзина стояла поперёк площадки. Я взял её и повернулся к стопке у входа.

Салфетка лежала там, где она её оставила.

Дважды сложенная, с влажным уголком. На сгибе остался бледный мазок, синий с жёлтым. Тушь, наверное.

Обычная дешёвая бумага, слишком тонкая даже для того, для чего её выпускали.

Рядом со стойкой было мусорное ведро. Я сделал к нему шаг и остановился. Потом взял салфетку за сухой край.

Кассирша попросила мужчину расписаться на чеке возврата. Он стал искать ручку. Я сложил салфетку ещё раз, мокрой стороной внутрь, и убрал в карман брюк.

Корзину отнёс к остальным.

Через стекло было видно, как женщина пересекает парковку. Вне кадра она оказалась гораздо дальше, чем я ожидал. Белые линии парковочных мест делили асфальт на длинные пустые ячейки. Она шла между ними, держа покупки в правой руке.

Я подошёл ближе к двери.

На улице было холодно. Воздух добирался до меня каждый раз, когда створки расходились от движения у датчика. Я отступил на шаг, чтобы они закрылись.

Женщина остановилась возле чёрного кроссовера в дальнем ряду. Вспыхнули поворотники. Она открыла заднюю дверь, поставила покупки, потом села за руль.

Машина несколько секунд стояла с включёнными фарами. Свет лёг на пустые места напротив. Я держал руки в карманах и чувствовал салфетку кончиками пальцев.

Кроссовер подал назад, развернулся и поехал вдоль фасада, к выезду. Когда он проходил перед входом, свет магазина попал на задний номер.

Я прочёл его.

Потом повторил про себя.

Три буквы. Четыре цифры.

Машина остановилась у края дороги, пропуская пикап. Я ещё раз проверил номер. Ни одной буквы не перепутал.

За моей спиной пискнула касса.

Я вернулся в комнату охраны. На экранах всё оставалось таким, каким я это бросил. Шестнадцать прямоугольников. Моё пустое кресло. Кофейная лужа, которую я не до конца вытер.

На четвёртой камере был виден терминал, возле которого мы стояли. Никого рядом.

Я открыл нижний ящик и достал Журнал. Ручка лежала между страницами с зачёркнутым временем. Я вынул её, перевернул лист.

«02:41. Пришла».

Ниже написал: «Молоко. Три апельсина. Без сигарет».

Потом — «Чёрный кроссовер».

Я помнил номер целиком. Написал его сразу, не делая пауз между знаками. Подчеркнул последнюю цифру, потому что нижняя часть вышла слишком бледной.

В журнале происшествий я мог бы объяснить каждую запись. Дверь заедала. Лампа перегорела. Человек упал, потребовалась помощь.

Я посмотрел на номер и поднёс ручку к строке под ним.

Пустое место оставалось пустым.

Глава 3. Несущие стены

В восемь утра внизу включили сушилки.

Кровать дрогнула. На тумбочке задребезжала ложка в чашке, и я придержал её пальцем, хотя проще было вынуть. Потом ещё минуту сидел с пальцем в чашке.

Моя студия находилась над прачечной. Одна комната, кухонный угол, ванная, в которой приходилось выбирать, что открыть — дверь или ящик под раковиной. За окном висела пожарная лестница. На ней лежал окурок, оставшийся от предыдущего жильца. Я прожил здесь два года и ни разу его не убрал.

Смену я сдал в шесть. Гас принёс в бумажном пакете два пончика и рассказал, что на озере поднялась вода. Один пончик предложил мне. Я отказался. По дороге домой купил такой же на заправке.

Теперь пакет лежал на полу возле ботинок.

Я снял рубашку, повесил её на спинку стула и проверил карман брюк.

Салфетка высохла. Уголок затвердел, на сгибе бумага почти расползлась. Я положил её на стол и придавил чеком с заправки. От отдельного места для неё было бы хуже. От выброшенной — тоже.

В студии пахло нагретым бельём. Запах проходил через пол, въедался в полотенца и постель, так что даже грязные носки у меня пахли чужой чистотой. Иногда внизу кто-нибудь перегружал машину. Тогда к ровному гулу добавлялись удары, и я по ним определял, сколько ещё осталось до конца отжима.

Я лёг, не раздвигая штор.

На потолке над кроватью шла трещина. Тонкая, от угла к плафону. Я осматривал её при въезде, потом через месяц, потом перестал. Штукатурка. Ничего несущего.

В девять пятнадцать я перевернул подушку.

В девять сорок выпил воды.

В десять достал телефон и проверил, завёл ли будильник, хотя в ближайшую ночь мне не нужно было на работу.

На экране оставалась заметка с номером кроссовера. Я переписал его из Журнала перед уходом. Хотел сфотографировать страницу, но в кадр попадали соседние записи, и я почему-то предпочёл набрать семь знаков вручную.

Я закрыл заметку.

Из прачечной донёсся стук. Несколько тяжёлых ударов, короткая пауза, ещё один.

Я сел.

Потом спустил ноги на пол и некоторое время смотрел на них, пока не понял, что они мёрзнут.

Под кроватью стояла коробка. Её задвинули туда при переезде: двое грузчиков, которым я платил наличными и которые спрашивали только о том, что нужно нести следующим. На боку чёрным маркером было написано «КУХНЯ». Надпись принадлежала Кейт. Под ней моей рукой было добавлено: «НЕ СТАВИТЬ СВЕРХУ».

Я вытащил коробку за прорезь в картоне.

Сверху лежал альбом с образцами бумаги. Под ним — рейсшина, три угольника, тубус, циркуль в футляре и набор механических карандашей. Половина вещей стала лишней ещё до того, как лишним стал я. Работали мы давно на компьютерах, но у меня оставалась привычка сначала проводить линию рукой. Так я лучше видел, где она врёт.

На прозрачном угольнике засохла полоска клея. Я попробовал соскрести её ногтем.

Из конверта под альбомом выскользнула фотография навеса.

Его снимали до открытия торгового центра на Линкольн-стрит. Низкое вечернее солнце, чистый бетон, стекло ещё без отпечатков ладоней. Навес выступал над тротуаром на двенадцать футов. Тонкая линия, которую на совещаниях называли лёгкой. Девелоперу нравилось это слово. Лёгкость стоила дешевле, чем объяснение того, что удерживает несколько тонн над человеческими головами.

Я помнил, где стоял фотограф. Сам показал ему точку.

На другой фотографии той же точки уже не существовало. Там лежали обломки.

Пять лет назад я узнал, что бетон падает не так, как в кино. В кино сначала бывает предупреждение. Треск, бегущая по поверхности линия, время поднять голову. У нашего навеса что-то сухо щёлкнуло внутри, потом звук стал таким большим, что отдельные его части я восстановил гораздо позже, из чужих рассказов.

В тот день я приехал посмотреть водоотвод. После дождя у входа стояла вода, управляющий прислал три письма с восклицательными знаками. Я уже вышел из машины, когда услышал удар.

Девушка стояла под навесом. Ей было девятнадцать. Училась в колледже, подрабатывала через дорогу, пришла за кофе между сменой и занятиями. Эти сведения я узнал из газеты. В первые минуты я видел только край кроссовки и шнурок, лежавший в серой воде.

Я не видел, как она подошла.

Это потом мучило меня почти так же сильно, как остальное. Я мог описать ширину тротуара, шаг опор, способ крепления облицовки. Не мог сказать, в какой руке она несла стакан.

С тех пор я записывал всё. Кто в какой руке держит корзину, кто сколько стоит у полки, кто смотрит вверх, проходя под козырьком входа. После навеса я не мог позволить себе что-нибудь не заметить. Тетрадь была дешевле терапевта.

Я положил фотографию лицом вниз.

Расследование заняло девять месяцев. Несколько человек получили зарплату за то, что подробно объяснили друг другу мои чертежи. Вскрыли соединения на уцелевшем участке. Сопоставили проектные спецификации с тем, что подрядчик установил на самом деле. На фотографиях из отчёта детали лежали рядом с измерительной линейкой, аккуратно разложенные, будто их можно было вернуть в правильном порядке и получить другой результат.

Мои расчёты подтвердились. Проект соответствовал нормам. Причиной назвали крепёж, который заменили на стройке без согласования.

Адвокат позвонил в четверг.

— С вас всё снято, — сказал он.

Я стоял у посудомоечной машины. В руке держал тарелку с засохшим яйцом.

— Коул? Вы меня слышите?

— Да.

— Это хорошая новость.

— Я понимаю.

Он подождал, чтобы я добавил что-нибудь подходящее. Потом заговорил о копиях документов.

Кейт принесла домой еду. Не помню какую. Помню белые картонные коробки и то, как она освобождала для них стол, перекладывая мои бумаги на подоконник.

— Он сказал, всё закончилось? — спросила она.

— Для меня.

— Я спрашиваю про расследование.

— Да.

Она долго искала в ящике открывалку, хотя вино было с винтовой крышкой. Я видел это и ничего не сказал.

Мы прожили вместе ещё почти год.

Под конец Кейт перестала спрашивать, как прошёл мой день. Не из жестокости. Я не отвечал, и ей надоело каждое утро подходить к закрытой двери. Она предлагала пройтись, поехать к воде, сменить квартиру. Я соглашался. Потом находил причину остаться.

В тот вечер, когда она собрала чемодан, я сидел на кухне перед ноутбуком. На экране была открыта фотография соединительного узла. Я увеличил её так сильно, что металл распался на квадраты.

Кейт остановилась у стола.

— Посмотри на меня.

Я посмотрел.

Она держала в руке зарядку. Длинный белый провод волочился по полу.

— Я больше не могу.

Я помнил, что спросил, можно ли нам поговорить утром. Как будто утром у меня появилось бы что сказать.

— Я живу с призраком, Коул.

Она не повысила голос. Подняла провод, намотала его на ладонь и убрала в сумку.

Я мог попросить её остаться. Для этого пришлось бы встать.

Внизу закончился отжим.

Я убрал фотографию в конверт, но коробку под кровать не задвинул. Сел на край матраса с угольником в руке. Провёл большим пальцем по скошенной кромке. Когда-то я мог целый день держать такой инструмент и вечером не помнить, что держал.

Телефон лежал на простыне.

Я открыл контакты, прокрутил вниз, вернулся на несколько строк. Номер дорожного полицейского сохранился с тех времён, когда я ещё пытался получать ответы у людей в форме.

Он дежурил на Линкольн-стрит после обрушения. Забрал у меня ключи, потому что я собирался уехать, а руки не слушались. Позже вернул их в больнице. Потом мы пару раз встречались в баре. Он говорил о разводе, я делал вид, что слушаю. Этого хватило для знакомства, которое не требовало поздравлений с днём рождения.

Я нажал вызов.

Он ответил не сразу.

— Эллис?

— Привет.

— Ты видел время?

Я посмотрел на часы. Одиннадцать двадцать.

— Ты после ночной?

— Был. До твоего звонка.

— Извини.

Он вздохнул. Что-то зашуршало, потом щёлкнула зажигалка.

— Что случилось?

Я сказал:

— Мне нужно узнать, кому принадлежит машина.

На другом конце стало тихо.

— Ты попал в аварию?

— Нет.

— Тебя задели?

— Нет.

— Тогда зачем?

Я посмотрел на салфетку под чеком.

— Одна женщина приезжает в магазин. Последний раз была… расстроена. Я хочу убедиться, что с ней всё нормально.

— И решил начать с регистрации автомобиля.

— Другого у меня нет.

Он затянулся. Я слышал это по телефону.

— Она просила тебя?

— Нет.

— Есть причина звонить патрульным?

— Не знаю.

— Тогда начни с этого. Если есть причина, звони. Если нет, спроси её, когда снова придёт.

— Я бы хотел знать имя.

— Дамам иногда задают этот вопрос лично.

Я ничего не ответил.

Внизу загудела следующая машина.

— Коул, у меня сын в эти выходные. Я не хочу ехать давать объяснения из-за какой-нибудь твоей истории.

— Мне нужно только имя. Я не стану тебя упоминать.

— Так обычно и начинают.

Я встал, открыл холодильник, закрыл. Там лежали два яйца и контейнер, который следовало выбросить.

— Я всё ещё должен тебе бутылку, — сказал я.

— Ты мне ничего не должен.

— Значит, будет подарок.

Он выругался тихо, без особенного чувства.

— Пришли номер. Посмотрю, когда встану. Ничего не обещаю.

Я отправил семь знаков прежде, чем он закончил разговор.

Потом сел за стол. Телефон положил экраном вниз, перевернул обратно.

Я представлял, как женщина входит в дом с пакетом. Ставит молоко в холодильник. Кладёт апельсины в миску или оставляет в пакете. На этом картинка обрывалась. Дальше мне приходилось придумывать комнаты, голос из коридора, человека, который спрашивал, почему она так долго.

Я налил воды в чайник. Включил его и только потом заметил, что не снял чашку с тумбочки.

В час я всё-таки уснул.

Проснулся от звонка в четыре с небольшим. На щеке отпечатался шов подушки, во рту было сухо. Несколько секунд я не понимал, откуда идёт голос.

— Слышишь меня?

— Да.

— Машина зарегистрирована на компанию. «Вейл девелопмент».

Я потянулся к столу за ручкой.

— Как пишется?

Он повторил.

— Имя водителя есть?

— Это регистрация, Коул. Машиной может пользоваться кто угодно. Директор, бухгалтер, чья-нибудь тёща. По номеру я не скажу, кто сидел за рулём прошлой ночью.

— Адрес?

— Адрес компании. Дальше сам. И больше с этим не звони.

Я записал название на обороте конверта за электричество.

— Спасибо.

— Обычный подойдёт. Без подарочной коробки.

— Что?

— Виски. Мне стеклянный гроб для бутылки ни к чему.

Он отключился.

Я ещё немного подержал телефон у уха, потом открыл ноутбук.

Он долго просыпался. Я сидел перед серым экраном, нажимая на край стола ногтем. Сеть прачечной иногда пропадала, когда кто-нибудь внизу запускал микроволновку. Сейчас соединение держалось.

У «Вейл девелопмент» был белый сайт с фотографиями домов, в которых никто не сушил полотенца на дверях. Прямые дорожки, молодые деревья на растяжках, окна с одинаковым тёплым светом. В разделе о компании стоял Грэм Вейл. Сорок с небольшим, хорошо сшитый пиджак, расстёгнутая верхняя пуговица. Такой заказчик на первой встрече просил называть его по имени, а на третьей присылал замечания через юриста.

Я видел его раньше. На рекламном щите возле шоссе, кажется. Или в местных новостях.

Прокрутил вниз. Жилые комплексы. Коммерческая недвижимость. Партнёрства с городом. Слова, от которых у меня когда-то зависела медицинская страховка.

В поисковой выдаче была статья об открытии нового жилого комплекса. На фотографии Грэм Вейл резал широкую ленту. Ножницы замерли у него в руках, рот был приоткрыт, будто он одновременно шутил. Рядом стоял мэр. Ещё несколько человек тянули шеи, чтобы попасть в кадр.

Справа от Вейла улыбалась женщина.

Я увеличил фотографию.

Без очков лицо оказалось моложе, чем я привык думать. Волосы убраны, подбородок чуть поднят. На ней было светлое платье с длинными рукавами. Правой рукой она держала мужа под локоть. Пальцы закрывала тонкая перчатка.

Подпись начиналась с должностей. Я прочёл её дважды, пока не дошёл до нужного места.

«Грэм Вейл с супругой Тесс».

За плечом Тесс стоял мужчина, которого почти целиком заслонял чужой пиджак. В длинном перечислении под снимком он значился как деловой партнёр Лукас Холт. Я прокрутил страницу обратно вверх и снова посмотрел на её лицо.

Тесс.

Теперь это имя существовало отдельно от времени на часах.

Я произнёс его вслух. В комнате оно прозвучало нелепо, как реплика актёра, которому забыли дать остальной текст.

Снимок сделали несколько месяцев назад. Синяка не было. Она улыбалась достаточно естественно, чтобы фотограф не попросил повторить. Грэм наклонился в её сторону, и его свободная рука лежала у неё на спине. При таком ракурсе нельзя было увидеть кисть.

Я приблизил ещё сильнее. Лица стали мягкими и зернистыми.

Убрал увеличение.

В статье говорилось о семьях, доступном жилье и будущем города. Грэм благодарил строительную команду. Я дочитал до конца, хотя ни одна из этих фраз не имела отношения к женщине у кассы.

Потом открыл другую ссылку.

На благотворительном ужине они сидели за столом с белой скатертью. Грэм смотрел в объектив. Тесс — куда-то справа от фотографа. В следующей заметке он один осматривал стройку в новой каске. Я заметил, что ремешок болтался расстёгнутым, и закрыл страницу.

Человека нельзя было узнать по каске. Я встречал хороших людей с расстёгнутыми ремешками. Плохих тоже. Обычно они все хотели поскорее уйти со стройки.

На столе стояла нетронутая чашка. Я сделал глоток холодной воды, решив, что это чай.

Можно было закрыть ноутбук.

В следующий раз, когда Тесс пришла бы в магазин, я мог сказать: «Как вы?» Мог спросить, нужна ли ей помощь. Мог дать телефон службы, которая занималась такими случаями, и вернуться к камерам.

Всё это требовало её возвращения.

Я открыл поиск снова.

Адрес компании вёл к офисному зданию. Там она не жила, если только «Вейл девелопмент» не предлагала своим руководителям особенно мрачный социальный пакет. Я вернулся к имени Грэма.

Через несколько минут оказался на сайте окружного оценщика недвижимости. Старая форма, узкие поля, кнопка поиска, съехавшая вправо. Здесь город обходился без обещаний будущего.

Я знал, где смотреть. Когда-то заказы начинались именно так: имя владельца, участок, ограничения, отступы от границ. Руки вспомнили раньше, чем я успел придумать причину.

В записи о собственности стояло одно имя.

Грэм Вейл.

Её имени там не было. Я отметил это, как отметил бы в чужом проекте отсутствующую опору, и пошёл дальше.

Был адрес. Маленькая схема участка. Площадь дома, год постройки, оценочная стоимость. Цифры выглядели убедительнее фотографий: за ними по крайней мере стоял человек, которому платили за точность.

Я нашёл дом на карте.

До него было двадцать три минуты. Двадцать одна без пробок.

Вид с улицы показывал подъездную дорожку, низкую каменную стену, деревья, закрывавшие часть второго этажа. Фотография была сделана летом. Листья заслоняли окна. На почтовом ящике читались цифры.

Я отодвинул ноутбук.

На экране осталось белое пятно дороги перед их домом.

Мне следовало поесть. Я разбил два яйца на сковороду, включил конфорку и начал мыть чашку. Пока тёр коричневый ободок губкой, яйца прихватились по краям. Одно порвалось, когда я перекладывал его на тарелку.

Я ел стоя. Смотрел на коробку возле кровати.

Угольник остался на простыне. Я вытер руки, убрал его в футляр между двумя листами картона и закрыл крышку. Коробка не хотела заходить обратно: край упирался в ножку кровати. Пришлось опуститься на колени и выровнять её.

Когда я поднялся, в студии стало темно.

Я включил свет над раковиной. Он освещал тарелку, мокрую губку и трещину в ламинированной столешнице. На улице кто-то хлопнул дверью машины.

Я посмотрел на карту ещё раз.

Потом на номер телефона дорожного полицейского.

Виски можно было купить завтра. Он не торопил. Но мне захотелось выйти из комнаты по делу, которое я мог назвать продавцу.

Я надел джинсы, взял кошелёк и спустился.

В прачечной было почти пусто. У дальней стены женщина складывала детские футболки. На пластиковом стуле спал мужчина, положив ладонь на мешок с бельём. Телевизор над автоматом с разменом показывал прогноз погоды без звука.

Я остановился у двери, проверил карманы. Ключи, телефон, деньги. Салфетка осталась наверху.

Моя машина стояла за зданием. На заднем сиденье лежал скребок для льда, хотя снега не было уже несколько недель. Я сел, отодвинул пустой бумажный стакан из подстаканника и включил зажигание.

В винном магазине продавец спросил, нужен ли пакет.

Я сказал, что нужен.

Бутылку он завернул в коричневую бумагу и дважды загнул верх. Всё это заняло меньше минуты. Я вышел с готовым поручением, которое больше не объясняло, почему я не возвращаюсь домой.

В машине положил виски на пассажирское сиденье.

Ехать к знакомому было незачем. Он спал перед сменой или собирался за сыном. Я мог оставить бутылку у себя до следующего дня.

Телефон лежал рядом с рычагом передач. На экране по-прежнему была карта.

Я убрал её, открыл список сообщений. Никто мне не писал.

У меня был выходной. Целая ночь, с которой я не знал, что делать. Раньше я заполнял такие ночи фильмами, содержание которых забывал к середине, или ездил в круглосуточную закусочную, где официантка подливала кофе, пока я не начинал дрожать. Иногда оставался дома и слушал, как внизу перестают работать машины одна за другой.

Я положил телефон в держатель.

До дома Вейлов теперь было двадцать две минуты.

Я не собирался звонить в дверь. Даже не знал, что сказал бы, если бы она открыла. Охранник из магазина. Тот, который поднял ваши апельсины. Тот, которому вы не давали адрес.

Я потянул ремень через грудь. Замок не защёлкнулся с первого раза.

На выезде с парковки пришлось пропустить несколько машин. В одной смеялись. В другой женщина наклонилась к ребёнку на заднем сиденье и что-то передала ему через плечо. Я ждал зелёного сигнала и смотрел на белую стрелку навигатора.

Можно было повернуть к прачечной на следующем перекрёстке.

Я проехал прямо.

Город постепенно стал ниже. Магазины сменились парковками, потом отдельными домами. Света между ними было всё меньше. Здесь прачечные держали в подсобных комнатах, за закрытыми дверями, и чужие сушилки не двигали твою кровать.

На повороте бутылка покатилась по сиденью. Я поймал её ладонью и поставил на пол.

Навигатор попросил свернуть ещё раз.

Я убавил громкость, хотя в машине никого больше не было.

Дома за лобовым стеклом стояли далеко от дороги. Над гаражами горели фонари, на газонах работали разбрызгиватели. Я невольно отмечал слишком широкие проёмы, тяжёлые кровли, опоры, обшитые досками так, чтобы казаться толще. Потом перестал. У меня не было здесь работы.

Я приехал просто посмотреть.

На нужной улице я сбавил скорость. Проверил цифры на телефоне, затем на почтовом ящике.

Каменная стена оказалась ниже, чем на снимке. За деревьями горели окна.

Я проехал мимо въезда, остановился у обочины и выключил фары.

Глава 4. Наружное наблюдение

Без фар дом казался ближе.

Я ещё немного прокатился накатом, чтобы переднее колесо не осталось под фонарём, и заглушил мотор. В старом «Форде» что-то щёлкнуло под капотом. Потом ещё раз. Металл остывал с такой обстоятельностью, будто я мог предъявить ему претензии.

До въезда Вейлов было ярдов семьдесят. Между нами стояли два дерева, почтовый ящик и кусты, подстриженные в одинаковые шары. Я видел верхнюю половину парадной двери, часть гаража и окна второго этажа. Для человека, приехавшего просто посмотреть, вполне достаточно.

Я проверил время.

Потом выключил экран телефона.

У въезда в посёлок шлагбаум стоял вертикально. На стойке висела табличка для гостей: после десяти пользоваться переговорным устройством. Я проехал в девять пятьдесят восемь. Две минуты отделяли посетителя от подозрительного человека. Теперь подозрительный человек сидел внутри, а шлагбаум наверняка уже опустился.

Дом был облицован светлым камнем. Над входом — фронтон, под ним две колонны, которым нечего было держать, кроме представления хозяина о собственном положении. Гараж занимал почти половину фасада. Архитектор попытался исправить это высоким окном над дверью и только сделал хуже: дом как будто втягивал живот перед фотографией.

Я поймал себя на том, что ищу линию перекрытия.

Она читалась по ряду окон. Слишком низкие для первого этажа, слишком тесно сбитые наверху. Крутая крыша давила на стены. Красивый камень, хорошие водостоки, дорогие рамы. Если смотреть на каждую вещь отдельно, придраться было трудно.

Я знал такие проекты. Заказчик приносил снимок дома, который нравился жене, потом просил добавить гараж на три машины, кабинет, ещё одну гостевую спальню и место для винного шкафа. После этого жена переставала приходить на встречи. Муж ещё полгода говорил от её имени.

Справа от дома оставался широкий просвет. Через него я увидел бледную полосу травы, уходившую за участок. Сначала принял её за большой соседский газон. Потом заметил дорожку для гольф-каров и низкий столбик с номером лунки.

Поле для гольфа подходило прямо к заднему двору. Ни забора, ни живой изгороди. Только несколько кустов вдоль террасы. На карте это выглядело зелёным пятном за границей участка; отсюда было видно, что граница существовала преимущественно в документах.

Сюда мог зайти кто угодно.

Я посмотрел в зеркало заднего вида.

Позади никого не было.

В доме погасло одно окно. Почти сразу зажглось другое, дальше от улицы. Человек перемещался из комнаты в комнату, а я получал об этом скудные сведения. Ни роста, ни лица. Только свет.

Я приоткрыл окно «Форда». В салон потянуло холодной землёй и водой из разбрызгивателей. Было тихо. У меня над прачечной тишина всегда содержала какой-нибудь прибор. Здесь даже холодильники, должно быть, работали с уважением к владельцам.

Через несколько минут замёрзли пальцы.

Я полез в бардачок за салфетками и вытащил серые шерстяные перчатки. Они лежали под страховкой, сложенной втрое, и старым чеком за замену масла. На большом пальце правой перчатки торчал маленький катышек.

Кейт купила их в ту зиму, когда я ещё ездил на стройки. Я вечно забывал перчатки дома и потом не мог попасть ключом в замок. Она заставила меня надеть их прямо в магазине. Проверила, достаточно ли длинные пальцы.

Я натянул сначала левую, потом правую.

Шерсть пахла бардачком.

На втором этаже что-то шевельнулось. Я подался вперёд, упёрся грудью в руль. За светлой шторой возник силуэт, задержался возле окна и исчез.

Я остался в том же положении.

Человек мог поправлять штору. Мог брать с подоконника книгу. Мог смотреть на старый седан, который припарковался на его улице и сидел без света.

Я откинулся на спинку.

Проехала машина. Большой внедорожник, медленно, с мягким шорохом шин. Свет фар прошёл по моим рукам на руле. Я наклонился к пассажирскому сиденью, будто искал что-то на полу, и сразу выпрямился. Это движение мне не понравилось больше всего за вечер.

Внедорожник свернул к соседнему дому. Открылись ворота гаража, осветив дорожку жёлтым прямоугольником. Потом закрылись.

Я завёл мотор.

На обратном пути пришлось остановиться у выездного шлагбаума. Датчик не сразу заметил «Форд». Несколько секунд я сидел перед белой полосатой палкой и ждал, когда она разрешит мне уехать.

Дома я поставил бутылку виски под раковину. Снял перчатки, положил рядом с ключами. В студии было тепло, но руки ещё долго казались холодными.

Я лёг, не раздеваясь.

Через час поднялся и проверил, сколько времени ехать до дома Вейлов в это время суток.

Двадцать одна минута.

Утром я отвёз бутылку знакомому полицейскому. Он вышел к машине в спортивных штанах, сунул пакет под мышку и спросил, разобрался ли я со своим вопросом.

— Да, — сказал я.

Он кивнул. Ему нужно было возвращаться: из дома его звали. Я был благодарен за то, что он не стал уточнять.

Остаток дня прошёл на кровати. Я просыпался от сушилок внизу, смотрел на потолок и снова закрывал глаза. В какой-то момент стало темно, и я почувствовал себя лучше. Днём следовало что-то делать со своей жизнью. Ночью можно было просто находиться в машине.

Я вымыл термос. Из крышки долго вымывались коричневые хлопья. Сварил кофе покрепче и налил до самого горлышка. Потом убрал телефон с зарядки, надел куртку и взял перчатки.

Никто не просил меня приезжать второй раз. Пришлось собрать всё самому.

На этот раз я въехал в посёлок раньше. Улица ещё не совсем вымерла: мужчина затягивал мусорный контейнер в гараж, женщина в светлой куртке вела двух маленьких собак. Она повернула голову вслед «Форду». Я смотрел прямо перед собой, удерживая скорость на отметке пятнадцать.

Парковаться на прежнем месте было глупо. Я проехал чуть дальше, к повороту, где несколько молодых деревьев были подвязаны к кольям. Отсюда хуже просматривался первый этаж, зато был виден боковой балкон.

Я достал термос и налил кофе в крышку. Пить в перчатках оказалось неудобно. Я снял правую, зажал её между коленями и обжёг язык.

В машине сразу стало чем заняться.

За окнами дом жил небольшими переменами. Свет внизу был тёплым, наверху белым. В одном из окон работал телевизор. Я узнавал его по вспышкам: синяя, белая, тёмная. Так мог выглядеть пожар в помещении, где всё время передумывали гореть.

На первом этаже появился мужчина. Только плечи и голова над спинкой дивана. Он поднял руку к лицу, потом вытянул её в сторону. Я не видел предмета в руке. Стакан, пульт, телефон. В Журнале я никогда не оставлял такие места пустыми. Придумывал занятие по положению тела и потом уже помнил его как факт.

Теперь я заставил себя отвернуться.

На соседней дорожке включились разбрызгиватели. Один бил в камень, и вода с ровным шипением разлеталась над бордюром. Я подумал о том, сколько времени можно слушать этот звук и не замечать его. В доме. Рядом с другим человеком.

Балконная дверь открылась беззвучно.

Я поставил крышку термоса на приборную панель, придерживая её ладонью.

Тесс вышла в тёмном халате или длинном кардигане. С такого расстояния ткань мало что сообщала. Волосы были собраны, лицо казалось очень светлым. Она прикрыла за собой дверь и остановилась у перил.

Я увидел огонёк раньше, чем её руку.

Сигарета поднялась ко рту. Вспыхнула. Опустилась.

На ней были перчатки.

Или мне хотелось их увидеть. Кисти выглядели тёмными на фоне светлого камня, но на балконе не горел свет. Я наклонился к стеклу и тут же вспомнил, как делал это вчера.

Она стояла неподвижно. Не ходила, не говорила по телефону. Курила и смотрела поверх поля. Дым уходил в сторону крыши, распадался в свете окна.

Я мог бы выйти из машины. Пройти по улице, как человек, которому не спится. Если бы она заметила меня, я поднял бы руку. В магазине она знала моё лицо.

Я посмотрел на свои колени, на зажатую между ними перчатку.

Что я собирался сказать после этого?

На балконе сигарета описала короткую дугу. Тесс повернула голову к улице. Я замер, хотя двигатель был выключен, фары не горели, а в салоне не было света.

Несколько секунд она смотрела в мою сторону или на дома за мной.

Потом стряхнула пепел.

За её спиной горели окна. Из освещённого дома тёмная улица — просто чернота. Это я знал по работе: ночью стекло показывает тебе только тебя самого.

Я отсчитал ещё две затяжки. На третьей сбился: она подняла руку, но огонёк не появился. Возможно, заслонила его пальцами. Возможно, я моргнул.

Когда дверь за ней закрылась, я продолжал смотреть на пустой балкон.

Кофе в крышке остыл. Я выпил его одним глотком и испачкал край куртки. Пятно было маленькое. Я растёр его перчаткой, сделал шире и оставил в покое.

До конца моего выходного оставалось несколько часов. Можно было ещё посидеть. Можно было дождаться, пока погаснут окна, и узнать хотя бы это.

Я сидел.

Сначала мне казалось, что я запоминаю дом. Потом — что дом запоминает меня: треснувшее зеркало «Форда», слабую правую фару, человека, который слишком долго не заводил мотор.

Я уехал, когда в соседнем окне отодвинули штору.

На третью ночь я приехал перед сменой.

План был простой: десять минут у дома, потом на работу. В термосе оставался утренний кофе. Свежий я не сделал — этим можно было доказать, что поездка не была настоящей подготовкой.

Шлагбаум пропустил меня в девять семнадцать. На часах в машине отставали минуты, и я проверил время по телефону. Отсюда до магазина было восемнадцать минут. Гас не любил, когда я опаздывал, хотя никогда не говорил об этом прямо. Просто начинал подробно рассказывать, как давно ему пора домой.

Я встал у поворота. Молодые деревья теперь не прикрывали салон: ветер сдул с них последние сухие листья. Я опустил солнцезащитный козырёк, не понимая, от чего именно он должен меня спрятать.

Свет горел внизу и над гаражом. Балкон был пуст.

Я открутил термос, понюхал кофе и закрыл.

Десять минут прошли.

Я уже держал ключ между пальцами, когда услышал голос.

Мужской. Слова не разобрал, только протяжный гласный и резкий конец. Звук пришёл сбоку от дома, откуда открывался вид на поле. Я опустил стекло ниже.

Ещё один голос. Выше. Слишком коротко, чтобы понять, что было сказано.

Я вынул ключ из замка зажигания.

После этого несколько секунд было тихо. Разбрызгиватели сегодня не работали. Где-то далеко захлопнули автомобильную дверь.

Потом в доме закричали.

Я не смог бы повторить слова. Даже не был уверен, были ли там слова вообще. Крик оборвался, что-то глухо ударилось о твёрдое, и следом раздался звон стекла — длиннее, чем от одного стакана. Несколько осколков ещё звякнули отдельно.

Я открыл дверь «Форда».

Одна нога уже стояла на асфальте, когда в доме снова заговорил мужчина. Теперь тише. Деловито, почти спокойно. Я смотрел на освещённый проём между шторами, ожидая увидеть хоть что-нибудь, и не видел ничего.

До входа было больше полусотни ярдов. Калитки не было. Подойти к двери, позвонить. Дождаться, пока мне откроют.

Я вернул ногу в машину и взял телефон.

На экране остался мой маршрут к магазину. Пришлось закрыть карту, открыть набор. Перчатка не давала нажать на цифру. Я стянул её зубами, бросил на сиденье.

Диспетчер ответила почти сразу.

— Девять-один-один. Что у вас случилось?

Я назвал адрес.

Она попросила повторить номер дома.

Я повторил, глядя на почтовый ящик.

— Я слышал крики. И разбитое стекло. В доме. Возможно, там бьют женщину.

— Вы сейчас находитесь внутри?

— Нет. На улице.

— Вы видели, как на неё напали?

— Я слышал.

— Есть ли у кого-нибудь оружие?

— Не знаю.

— Вы знаете людей, которые там живут?

Я посмотрел на окно над гаражом.

— Нет.

— Как вас зовут, сэр?

— Я не хочу называть имя.

Она не стала спорить. Спросила, продолжаются ли крики. Я прислушался.

— Сейчас тихо.

— Наряд направлен по адресу. Вы можете оставаться на линии?

— Пожалуйста, пришлите кого-нибудь.

— Сэр, наряд уже…

Я нажал отбой.

Телефон остался у меня в руке. Мой номер был у них. Наверное, и место, откуда я звонил. Я знал об этом достаточно, чтобы понимать: анонимность состояла только в том, что я не произнёс своё имя.

Я закрыл дверь, не хлопая.

Потом передвинул машину дальше за поворот, где мог видеть въезд Вейлов в боковом зеркале. Завёл мотор, проехал ярдов тридцать и снова выключил. Руки делали всё по порядку. Я даже включил поворотник на пустой улице.

Патруль приехал через семь минут.

Без сирены. Синий и красный свет скользнул по деревьям, погас, и машина остановилась на дорожке перед гаражом. Из неё вышли двое. Один поправил ремень, второй посмотрел на окна.

Я чуть опустился в сиденье.

Входная дверь открылась раньше, чем они успели подойти.

Грэм стоял на пороге в светлом халате. Я узнал его по фотографии, хотя здесь он был без пиджака и без ножниц. Он придерживал дверь одной рукой. Другую протянул старшему из патрульных.

Они пожали руки.

Грэм назвал обоих по именам. Имена долетели до меня неразборчиво, но интонация была ясной: человек встретил знакомых, которым не ожидал открыть в такой час.

Он что-то сказал и улыбнулся.

Один из полицейских тоже улыбнулся. Второй остался на ступеньку ниже и оглянулся на улицу. Я прижал телефон экраном к бедру.

Все трое вошли в дом.

Дверь закрылась.

Я выпрямился. Из этого положения вход не был виден в зеркале, пришлось повернуть голову и смотреть через заднее боковое стекло. Ремень безопасности впился в шею. Я расстегнул его.

Может быть, теперь они разговаривали с ней отдельно. Может быть, просили показать руки, снять очки, объяснить, откуда стекло. В магазине она плакала из-за трёх апельсинов. Здесь было двое людей с оружием и правом задавать вопросы.

Я посмотрел на время.

До смены оставалось двадцать две минуты.

Наверху зажёгся свет. Я сразу подался к стеклу. Но за окном никто не появился, и свет погас меньше чем через минуту.

Дверь открылась снова.

Первым вышел полицейский, который стоял на нижней ступеньке. За ним второй. Грэм остался в проёме. Теперь он держал халат у горла, словно только что заметил холод.

Они ещё немного поговорили.

Я ждал, что появится Тесс. Сядет в машину. Хотя бы выйдет на крыльцо.

Грэм рассмеялся. Негромко. Смех легко прошёл через пустую улицу, и от этого я расслышал его лучше, чем крик.

Патрульные вернулись к машине. Один заглянул в телефон, прежде чем сесть. Второй поправил что-то у плеча и сказал в рацию несколько слов.

Когда они выехали с дорожки, с момента их приезда прошло десять минут.

Я сидел неподвижно, пока задние огни не исчезли за поворотом. Грэм ещё секунду смотрел им вслед. Потом закрыл дверь.

Дом снова стал таким же, как вчера.

Я нашёл в списке недавних вызовов номер экстренной службы. Палец завис над экраном.

Сказать, что они уехали? Они знали. Сказать, что он смеялся? Я представил, как диспетчер попытается записать это в нужную графу.

В кухонном окне мелькнула тень. Я не понял чья.

На часах было девять сорок восемь.

Я убрал телефон и завёл двигатель. Слишком сильно повернул ключ, уже после того как мотор заработал. Стартер взвизгнул. Я выругался и ударил ладонью по рулю.

Звук получился слабый. Почти смешной.

На выезде шлагбаум открылся сразу.

До магазина я доехал за шестнадцать минут. На одном перекрёстке пришлось тормозить перед жёлтым. Крышка термоса скатилась с пассажирского сиденья, и я оставил её под ногами.

Гас стоял у комнаты охраны в куртке. В одной руке держал пакет с едой, в другой — бумажный стакан. Увидев меня, он посмотрел на настенные часы.

— Четыре минуты, — сказал я.

— Пять. Наши спешат на минуту, но сегодня не в твою пользу.

Я протиснулся мимо него и положил ключи на стол.

— Извини.

— На дороге что-то?

— Долго собирался.

Он не пошёл к выходу. Я включил кофеварку, хотя в колбе ещё оставалось немного его кофе. Выключил. Поставил термос на пол возле стула.

— Ты спал вообще? — спросил Гас.

— Спал.

Он наклонил голову, разглядывая меня без стеснения, с каким обычно смотрел на рыбу, о размере которой ему врали.

— Сколько?

— Достаточно.

— Это не число, Коул.

Я снял куртку. Под ней взмокла рубашка. В комнате было душно, от нагретых мониторов пахло пластиком.

Гас поставил свой стакан на стол.

— У меня был приятель. Засыпал на светофорах. Говорил, всё нормально, просто удобное кресло. Потом выяснилось, во сне дышать переставал. Ему дали такую штуку на лицо. Как пилоту.

— Мне не нужна штука на лицо.

— Я ещё не закончил продавать.

Обычно я хотя бы смотрел на него. Сейчас я смотрел в монитор номер четыре. Возле выхода стояла пустая тележка, одно колесо повёрнуто поперёк остальных.

— Эй, — сказал он.

Я поднял голову.

— Ты белый как стена. Что случилось?

Мне нужно было сказать одну фразу. Рассказать про крик. Тогда я, может быть, сумел бы спросить, что делают после того, как полицейские уже приезжали.

Но пришлось бы объяснить, откуда я это слышал.

— В прачечной ремонт, — сказал я. — Меняют что-то в вентиляции. Гремят с самого утра.

Он посмотрел на меня ещё несколько секунд.

— Долго будут?

— Не знаю. Обещали завтра закончить.

— Приедь ко мне. На диване поспишь. Днём у меня тихо, только холодильник иногда стучит. Я всё собираюсь вызвать мастера.

— Спасибо. Завтра закончат.

— Ладно. Если что — звони.

Он взял стакан, проверил, не осталось ли внутри кофе, и направился к двери. В последний момент вернулся взглядом к термосу на полу.

— Свой носишь теперь?

— Этот тоже плохой.

— Тогда всё в порядке. А я уж решил, у тебя началась новая жизнь.

Дверь за ним закрылась.

Только тогда я вспомнил, что так и не спросил, что сказал врач во вторник.

Я сел и придвинул служебный журнал.

Обычно после Гаса на столе оставалась крошка от сэндвича или кольцо от стакана. Я смахнул крошки в ладонь. Выбросил. Протёр кольцо влажной салфеткой из ящика. На столе появились мокрые разводы.

Открыл журнал на чистой странице.

«22:05. Принял смену».

Я остановился. Написал ниже: «Опоздание — дорожная обстановка».

Посмотрел на строчку и зачеркнул её так сильно, что прорвал бумагу.

В два сорок Тесс не было.

Я ждал до трёх. Потом до половины четвёртого, не отрываясь надолго от экрана. На улице начался дождь. Покупатели входили, вытирая лица рукавами. Кто-то оставил у кассы мокрую бейсболку, и кассирша положила её под стойку.

Я несколько раз доставал телефон. Мог узнать, куда подают жалобу на наряд. Мог позвонить ещё раз и сказать, что женщина до сих пор не появилась в магазине, куда обычно приезжала ночью.

Я представлял вопросы, которые последуют.

Телефон возвращался в карман.

Утром я доехал домой и лёг поперёк кровати. Внизу никто ничего не ремонтировал. Через полчаса включилась первая стиральная машина, потом вторая. Я различал их по вибрации.

Во сне кто-то пытался открыть дверь, но я каждый раз просыпался прежде, чем успевал к ней подойти.

К вечеру я проснулся с головной болью. Выпил воды из-под крана. На полу возле кровати лежали серые перчатки: я снял их, должно быть, уже дома, и не помнил этого. На правой темнело кофейное пятно.

Я поднял их и положил на стол сохнуть.

К дому Вейлов я не поехал. Сел в машину только без двадцати десять. Всю дорогу держал радио включённым, хотя ведущий обсуждал результаты игр, которых я не видел.

Гас отдал смену быстро. Спросил про вентиляцию.

— Вроде закончили, — сказал я.

— Ну и отлично. Выспишься.

Я кивнул.

Ночь тянулась медленно. Я дважды обошёл магазин, проверил дверь разгрузочной, попросил подвыпившего покупателя убрать открытую банку пива. Тот убрал её в карман

куртки, и мы несколько секунд смотрели друг на друга, прежде чем я объяснил, что имел в виду.

Без четверти три я стоял у холодильника с напитками. Достал бутылку воды и приложил к закрытому веку. Холод помогал, пока держал.

Когда я опустил бутылку, Тесс была в конце прохода.

Я не слышал, как открылись входные двери.

В руках у неё была корзина. Молоко, три апельсина. На этот раз без очков. Над скулой оставалась тень, которую под белыми лампами было трудно отличить от усталости. Перчатки доходили до манжет пальто.

Я поставил воду на полку к чужим бутылкам.

Тесс подошла. Остановилась достаточно близко, чтобы нам не пришлось повышать голос. Я смотрел на её лицо и старался не смотреть на губу, на запястья, на то место у воротника, где виднелась кожа.

Она чуть повернула корзину, освобождая проход. За моей спиной кто-то вёз тележку.

Тесс дождалась, пока колёса перестанут греметь, и тихо спросила:

— 911 — это вы?

Глава 5. Кофе из автомата

— Не понимаю, о чём вы.

Это прозвучало почти убедительно. В конце я даже приподнял брови. Пять лет назад я умел так смотреть на подрядчика, который обещал заменить материал на равноценный.

Тесс улыбнулась. Не весело и не с благодарностью. Просто дала мне закончить.

— Хорошо.

Она переставила корзину в другую руку. Между нами остался холодильник, полный бутылок воды, и моя рука, всё ещё лежавшая на его дверце. Я убрал руку.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

Теперь это было уже слишком.

Тесс посмотрела на бутылку, которую я поставил не на ту полку.

— Вы её покупаете?

— Да.

— Она холодная.

— В этом преимущество холодильника.

Улыбка на секунду вернулась. Я достал бутылку. На этикетке под моими пальцами расползлось мокрое пятно.

Она могла спросить ещё раз. Могла назвать адрес, описать старый «Форд» или сказать, что видела меня у дома. Я стоял и ждал, какой именно способ она выберет, но Тесс только опустила глаза на корзину.

— Здесь есть кофе?

— У касс.

— Я знаю про тот, что в стеклянных колбах. Я имею в виду горячий.

— Автомат у окна.

— Вы пробовали?

— Меня предупреждали, но я всё равно попробовал.

Она кивнула, словно получила полезную рекомендацию.

Мы пошли к кассам. Я держался чуть сзади. Приходилось выбирать, куда смотреть: на её затылок, на пол, на собственное отражение в холодильных дверях. В отражении за женщиной шёл невыспавшийся охранник с бутылкой воды. Слишком близко. Я замедлил шаг.

У кассы самообслуживания Тесс пробила молоко и апельсины. Расплатилась наличными, как всегда. Сдачу ссыпала в кошелёк, не пересчитывая. Кассирша принесла сигареты из запертого шкафа. Тесс поблагодарила её пониженным голосом, тем же, которым только что спросила меня про полицию.

Я купил воду на соседней кассе. В кармане нашлась помятая купюра. Автомат дважды выплюнул её обратно. На третий раз я разгладил банкноту о бедро и получил сдачу, которую было некуда деть.

Тесс уже стояла возле кофейного автомата.

Там имелась узкая стойка, привинченная к стене, контейнер с сахаром и пластиковый стул. Второй стул кто-то утащил к лотерейному терминалу. На окне висел плакат с огромным сэндвичем, поэтому снаружи нас было видно только ниже пояса. По шоссе проходили редкие машины. Их фары двигались по линолеуму под стойкой и исчезали.

На дисплее автомата светилось 3:02.

Тесс поставила пакет у ног и прочитала список напитков.

— Какой меньше всего похож на наказание?

— Чёрный. В остальных есть добавки.

— Добавки делают хуже?

— Они делают больше.

Я бросил монеты в щель. Тесс достала кошелёк, но я уже нажал кнопку.

— Это полтора доллара, — сказал я.

— Я вижу.

— Вряд ли за такую сумму возникают обязательства.

Она закрыла кошелёк.

— Вряд ли.

Стакан упал в гнездо боком. Я полез поправлять его, и автомат немедленно начал лить кофе мне на пальцы.

— Осторожно, — сказала Тесс.

Я выдернул руку. Часть кофе попала в стакан. Часть осталась на решётке. Судя по запаху, автомат не видел между ними разницы.

Тесс взяла несколько салфеток и протянула мне. Я прижал их к пальцам.

— Всегда так?

— Только при свидетелях.

Второй стакан встал ровно. Я проследил за ним с вниманием, которого он не заслуживал. Когда струйка закончилась, мы остались рядом у стойки, каждый со своим кофе. Стул никто не занял.

Из торгового зала доносилось гудение машины для мытья пола. Уборщик двигался вдоль замороженных продуктов, медленно отступая перед собственной мокрой полосой. У кассы звякнули бутылки. Потом стало тихо.

— Если это были вы, — сказала Тесс, — больше не нужно.

Я посмотрел на неё.

Она держала стакан обеими руками. Чёрная ткань перчаток натянулась на костяшках.

— Я всё ещё не понимаю, о чём вы.

— Хорошо.

На этот раз улыбки не было.

Я отлепил мокрую салфетку от указательного пальца. Кожа покраснела. Боль была слабой и полезной: можно было смотреть на неё, а не на Тесс.

— Вы сказали им, что случилось?

Она чуть повернула голову.

Я сунул салфетку в мусорное отверстие.

— Полицейским. Если к вам приезжали полицейские.

— Они спросили, нужна ли мне скорая.

— И?

— Я сказала, что нет.

— А про остальное?

Тесс поднесла стакан к губам, но не отпила.

— Он стоял рядом.

В торговом зале машина для мытья пола задела поддон. Раздался короткий треск. Тесс поставила стакан. Кофе плеснул на белый край.

Я посмотрел в сторону прохода. Уборщик поправлял щётку ногой.

— Здесь всё нормально, — сказал я.

Она проследила за моим взглядом.

— Знаю.

Мы оба услышали, как это прозвучало.

— Можно попросить, чтобы с вами поговорили отдельно, — сказал я.

— Можно.

— Или поехать в участок.

— Можно.

Я замолчал. Она разгладила большим пальцем складку на перчатке.

— Вы думаете, я никуда не ездила?

— Я этого не говорил.

— Вы хотите знать, почему я всё ещё там.

На это у меня не нашлось безопасного ответа.

Тесс повернула стакан швом к себе.

— Он не всегда такой.

Я почувствовал, как у меня свело челюсть.

— Простите, — сказала она. — Ненавижу эту фразу. Стоит её произнести, и дальше уже можно не слушать.

— Я слушаю.

Она посмотрела на часы над кассами. Потом на автомат, на свой нетронутый кофе.

— Он умеет быть очень убедительным. С незнакомыми людьми особенно. Если бы вы встретили его днём, в нормальном месте, вам бы понравилось.

Я вспомнил светлый халат. Руку, протянутую полицейскому.

— Не уверен.

— Он бы постарался.

В её голосе не было ни гордости, ни раздражения. Так говорят о машине, которая заводится в любой мороз.

Я открутил крышку бутылки, выпил воды и закрутил обратно. Кофе стоял передо мной. Мне хотелось чем-нибудь занять рот, пока я не спросил лишнего.

— Мы женаты десять лет, — сказала она. — Иногда я считаю по-другому. По домам, в которых жили. По машинам. Так получается меньше.

— Вам было лет двадцать?

Она посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Двадцать один.

Я знал её фамилию, адрес и то, как она улыбается на открытии жилого комплекса. Сейчас это знание лежало между нами ещё одной вещью, которую я не собирался показывать.

— Я выходила за него не по любви, — сказала Тесс. — У отца были долги. Очень большие. Грэм их выкупил.

За стеклом проехал грузовик. Свет фар поднялся по её пальто и остановился на горле.

— А потом сделал предложение?

— Потом сделал предложение.

— Ваш отец согласился?

— Согласиться должна была я.

Она произнесла это без нажима. Я опустил глаза.

— Простите.

Тесс пожала плечом.

— В двадцать один мне казалось, что я понимаю, сколько всё стоит.

Она отпила кофе. На лице ничего не изменилось, но стакан она отодвинула.

— Контракт был толстый. Мне дали адвоката, чтобы всё выглядело правильно. Он объяснял пункты. Я кивала.

— Брачный?

— Да. А если уйду, останусь ни с чем.

— Вы говорили с другим адвокатом? Сейчас?

— Один раз.

— И что он сказал?

— Что нужно принести документы. Что без них он не может обещать. Что за следующую встречу придётся платить.

Я покатал бутылку между ладонями.

— Дом?

— На Грэме. Счета тоже. Он видит каждую покупку по карте.

Она всегда платила наличными. Каждую ночь. Я записал это в Журнал в первую же неделю и ни разу не спросил себя почему. Я отвернулся к окну.

— Есть места, где помогают, — сказал я. — Можно уйти сначала туда. Разобраться потом.

Тесс не ответила.

С другого конца магазина послышался смех. Кассирша разговаривала с покупателем, который держал под мышкой огромную упаковку бумажных полотенец. Он никак не мог вытащить кошелёк. У него была обычная ночь с небольшой технической трудностью.

— Я дважды уходила, — сказала Тесс.

Мне стало жарко под форменной рубашкой.

— Я не знал.

— Вы и не могли.

Она произнесла это мягко. От этого стало хуже.

Я отодвинул свой кофе, освобождая место, хотя места хватало.

— Первый раз взяла чемодан. Думала, если собрать вещи, будет легче не вернуться. Оказалось, с чемоданом неудобно садиться в автобус.

Она провела пальцем по картонному ободку стакана.

— Он звонил. Много. Сначала спрашивал, где я. Потом говорил, что волнуется. Потом сказал, что я могу вернуться сама или он приедет за мной. Я вернулась сама.

— Когда это было?

— Достаточно давно, чтобы потом решить, будто во второй раз я всё сделаю правильно.

Её взгляд скользнул по входным дверям. Я тоже посмотрел. Никто не входил.

— Во второй раз я не взяла чемодан. Оставила телефон. Заплатила наличными. Сестра помогла.

— Вы были у неё?

— Нет. Я не хотела подставлять её.

Тесс помолчала.

— Нашёл за двое суток.

Я дождался продолжения. Она смотрела на кофе.

— Как?

— Не знаю.

— Он сказал?

— Сказал, что мне пора домой.

На стойке осталось мокрое кольцо. Тесс поставила стакан точно в него.

— Сестра работала в офисе. Снимала квартиру. Через неделю ей сказали, что её должности больше нет. Потом владелец квартиры решил продать дом.

— Это могло…

Я остановился.

— Она тоже так сказала, — произнесла Тесс. — В первый день.

Я представил её сестру с коробкой из-под бумаги для принтера. Ничего о ней не знал, даже возраста, но коробка уже была у неё в руках. Я ненавидел себя за эту лёгкость.

— Вы общаетесь?

— Иногда. Я стараюсь не звонить, когда рядом он. Она старается не спрашивать, когда я уйду.

— И вы уверены, что это сделал Грэм?

Тесс подняла глаза.

Я хотел услышать про письмо, запись разговора, чьё-то имя. Что-нибудь, за что можно было взяться, не выставляя собственные ладони под следующий удар.

— Он предложил ей помочь найти другую работу, — сказала она. — При мне. За ужином. Сказал, что у неё теперь будет больше времени подумать, прежде чем вмешиваться в чужую семью.

У меня в руке хрустнула бутылка.

Тесс посмотрела на неё, и я ослабил пальцы.

— Можно всё это записать, — сказал я. — Угрозы. Даты. Сохранить сообщения.

— Можно.

Она больше не спорила с моими предложениями. Я начинал понимать, что это не согласие.

— Простите, — сказал я. — Я говорю очевидные вещи.

— Вы пытаетесь помочь.

Я посмотрел на неё. Тесс стояла у магазинной стойки в хорошем пальто, рядом с пакетом молока и апельсинов. На белой крышке контейнера с сахаром прилипло кофейное зерно, которого здесь вообще не должно было быть: автомат работал на порошке. Мне хотелось убрать его. Исправить хоть что-нибудь маленькое, пока она не заметила, насколько я бесполезен.

— Он угрожал вам? — спросил я.

— Сегодня?

Я ничего не сказал.

Она кивнула, приняв молчание за уточнение.

— Сегодня говорил, что мне нужно больше спать. Что из-за усталости я всё воспринимаю неправильно.

— А раньше?

Тесс наклонилась к пакету и поправила его ручки.

— Сказал, что в следующий раз искать будет не меня.

Она выпрямилась. Пальто осталось на ней ровно. Ни одной сбившейся складки.

— Я не спросила, кого он имел в виду.

В проходе за нами катили тележку. Я отступил, пропуская пожилого покупателя. Тот извинился, хотя места ему хватало. Мы с Тесс подождали, пока он выберет сахар и уйдёт.

— Если вы решите… — начал я.

— Не надо сейчас ничего обещать.

— Я ещё не обещал.

— Хорошо.

Она посмотрела на мою руку. На красное пятно от кофе.

— Болит?

— Переживу.

— Подержите под холодной водой.

Я поднял бутылку.

— Уже.

Тесс осторожно коснулась своего стакана, проверяя температуру.

— Он найдёт. Он всегда находит.

Я видел её на балконе. Маленький огонёк сигареты двигался возле лица. Тогда я сидел в машине и думал, что, если она выйдет, мне останется завести мотор. Даже не представлял, куда мы поедем. Бензина было меньше четверти бака.

Я отвинтил крышку бутылки и протянул ей воду.

— Хотите?

Она взяла. Наши пальцы соприкоснулись через перчатку.

— Спасибо.

Тесс выпила немного, вернула бутылку и указала на наш кофе.

— Мы ведь были предупреждены.

— Я мог солгать.

Она посмотрела на меня. Без улыбки. Я почувствовал, как тепло поднимается от шеи к ушам.

— Могли, — сказала она.

Я перевёл взгляд на часы.

— Мне нужно проверить зал.

— Конечно.

Но я не ушёл. Из места возле окна были видны кассы, центральный проход и входные двери. Никто не дрался. Никто не убегал с телевизором. Большая часть моей работы состояла в том, чтобы не мешать людям покупать вещи, которые им не нужны.

Тесс сняла правую перчатку, придерживая край пальцами левой руки. Сделала это медленно, вытягивая каждый палец. Манжета пальто осталась низко, почти до костяшек. Она положила перчатку на стойку.

За все эти месяцы я ни разу не видел её руки.

Тесс достала из контейнера крышку для стакана и попыталась защёлкнуть её.

Крышка не подходила. Тесс повернула её, попробовала снова.

Я взял другую из соседней стопки.

— Эти для больших.

— Спасибо.

Она накрыла кофе. Голая рука была бледной. На безымянном пальце сидело кольцо с камнем, повёрнутым внутрь ладони.

— Вы всегда работали ночью? — спросила она.

— Нет.

— Лучше, чем днём?

— Людей меньше.

Тесс посмотрела в зал.

— Это я заметила.

Я мог на этом закончить. Пройти между стеллажами, проверить дверь разгрузочной, вернуться к мониторам. Минут через десять она уехала бы. Я увидел бы чёрный кроссовер на экране и сделал запись, в которой не было бы ничего о том, что мы говорили.

— Раньше я проектировал здания, — сказал я.

Она повернулась ко мне.

— Архитектор?

— Был.

— Что строили?

— Магазины. Пристройки. Пару офисных зданий. Один дантист хотел, чтобы его приёмная напоминала тосканскую виллу.

— Получилось?

— У меня не было денег побывать в Тоскане. У него тоже. Мы договорились, что получилось.

Она улыбнулась. Я заметил маленькую неровность у края переднего зуба. Раньше не видел: никогда не стоял достаточно близко, когда она улыбалась.

— Почему перестали?

Я взял свой стакан. Кофе остыл до температуры, при которой его уже нельзя было обвинить в том, что он обжигает. Я сделал глоток.

— Один мой навес рухнул.

Тесс не отвела глаз и не подалась вперёд. Осталась там, где стояла.

— Пять лет назад, — добавил я. — У торгового центра.

Вентилятор внутри автомата выключился. Внезапно стало слышно, как потрескивает лампа над окном.

— Там была девушка. Студентка. Девятнадцать лет.

Я посмотрел на руку, державшую стакан. После ожога пальцы будто немного распухли.

— Она шла за кофе. Остановилась под навесом, чтобы найти что-то в сумке.

Тесс молчала.

Я много раз представлял, как рассказываю об этом человеку, который ничего не знает. В этих разговорах я всегда доходил до того, что именно не выдержало, какие материалы были указаны в документации, какие образцы потом исследовали. Собирал перед собой аккуратную маленькую защиту. Её можно было обойти с любой стороны.

— Я подписывал проект, — сказал я. — Внизу стояла моя фамилия.

— Вы были там?

— Через дорогу. Я как раз вышел из машины.

Тесс ждала.

— Потом приехали все остальные.

Меня пустили за ограждение. Кто-то узнал, кто я, и приподнял ленту. Я всё ещё помнил, что пригнулся слишком низко. Будто мог задеть головой то, чего уже не было.

Тесс опустила глаза к своей голой руке. Согнула пальцы, распрямила.

— Было расследование?

— Два. Одно для города. Другое для страховых. Я прошёл. Так это называл адвокат. «Вы прошли».

— Вас оправдали.

— Формально.

Она немного подождала.

— А неформально?

Я выдохнул через нос. Получилось похоже на короткий смешок.

— Я устроился охранником.

Кассирша позвала кого-то к кассе. Мужской голос ответил из глубины магазина. Мне следовало обернуться, хотя бы показать, что я слышал. Вместо этого я смотрел на Тесс и ждал, когда она скажет про несчастные случаи. Про то, что всякое бывает. Про жизнь, которая продолжается, потому что с этим обычно уже ничего нельзя поделать.

— Я читала про тот случай на Линкольн-стрит, — сказала она.

Я кивнул. Газет было много. Одну я купил сам и выбросил, не дойдя до дома. Потом вернулся к урне. Она успела промокнуть насквозь, и я понёс её под мышкой, как человек, у которого есть срочные дела.

— У неё была сумка, — сказал я. — На фотографиях. Жёлтая. Её положили отдельно от остального.

Голос вдруг стал хуже. Не громче, не тише. Просто перестал мне подчиняться.

Я прижал стакан к стойке. Бумага прогнулась.

— Простите. Вы не должны это слушать.

— Я спросила.

— Обычно я не рассказываю.

— Когда рассказывали в последний раз?

Я попытался вспомнить не заседание, не кабинет адвоката, не очередное повторение по просьбе человека с диктофоном.

— Не знаю.

Тесс подвинула ко мне салфетки. Я взял одну и вытер кофе, вытекший из-под моих пальцев. Потом ещё одну. Не посмотрел на неё, пока не убрал обе в мусор.

— Жена ушла, — сказал я. — Позже. Это не было… сразу.

— Вы были женаты?

— Да. Она пыталась. Долго.

Я не произнёс имени Кейт. Мне показалось, что, назови я её сейчас, она тоже окажется возле стойки. Будет смотреть, как охотно я говорю с женщиной, о которой месяц назад ничего не знал.

— Вы поддерживаете отношения?

— Не очень.

Тесс кивнула. Ей хватило этого ответа.

Я ждал следующего вопроса. Можно было ещё рассказать про квартиру, про чертежи под кроватью, про то, как однажды простоял полчаса перед входом в магазин, потому что над дверью что-то скрипело на ветру. Всё это стояло в очереди у меня за зубами.

Она сказала:

— Вы не смогли её спасти. Это не значит, что не сможете никого.

Я посмотрел на неё.

Ничего особенного не произошло. Не стало легче дышать. Не исчезло имя на листе с подписью. Я всё ещё стоял в магазине, в рубашке с нашивкой, и от меня пахло старым кофе.

Но я перестал сжимать стакан.

Тесс отвела глаза первой. Сняла с пальто невидимую соринку и посмотрела на часы.

— Мне пора.

— Да.

Я произнёс это слишком быстро, словно собирался её отпустить по служебной необходимости.

Она наклонилась за пакетом. Я успел поднять его раньше. Пластик растянулся вокруг углов молочного пакета. Один апельсин упёрся мне в запястье.

— Я донесу.

— Не надо.

— До двери.

Тесс взялась за ручки. Я разжал пальцы.

— Лучше я сама.

— Хорошо.

Она переставила пакет в левую руку. Правую убрала в карман пальто. На стойке остался её кофе с новой крышкой.

— Забыли, — сказал я.

Она посмотрела на стакан.

— Нет.

Я улыбнулся. Кажется, по-настоящему. На лице это ощущалось непривычно, будто я надел чужие очки и всё ненадолго стало резче.

— Спокойной ночи, Коул.

Имя было у меня на нашивке. Всё равно я опустил глаза проверить.

— Спокойной ночи.

Я едва не назвал её по имени. Уже приготовил первый звук, но она повернулась к выходу, и я успел закрыть рот.

Двери раздвинулись. В магазин вошёл холодный воздух. Тесс шагнула через мокрый коврик и задержалась снаружи, поправляя пакет. Потом пошла к машине.

Я смотрел, пока она не скрылась за плакатом на окне.

Под стойкой валялась пластиковая мешалка. Я поднял её и выбросил. Поставил наши стаканы рядом. Её был почти полным. Мой потерял форму там, где я держал его пальцами.

Мне не хотелось сразу возвращаться в комнату охраны. Там всё было расставлено под человека, которым я пришёл на смену: стул, мониторы, тетрадь. Я взял воду, собрал мокрые салфетки и только тогда увидел перчатку.

Она лежала у самого края стойки, чёрная на тёмном пластике. Пальцы слегка согнулись. Я не заметил её, когда отдавал пакет.

Я схватил перчатку и пошёл к двери.

Снаружи уже двигались красные огни кроссовера. Я остановился на коврике. Машина повернула к выезду. Можно было крикнуть, но сквозь закрытые окна она бы не услышала.

Двери за моей спиной попытались закрыться и снова разошлись.

Я отступил внутрь.

Перчатка была лёгкая. Почти ничего не весила, но я держал её всей ладонью, чтобы не уронить. Возле манжеты прощупывался твёрдый уголок. Я решил, что зацепил магазинную бирку.

Изнутри торчала белая полоска.

Я потянул её двумя пальцами. Это оказался чек, сложенный несколько раз, печатью внутрь. Бумага успела нагреться у меня в руке.

Я развернул её.

На обороте синими чернилами был написан номер телефона.

Глава 6. Там, где людно

Первые два дня я не звонил.

Это требовало некоторой организации. Телефон приходилось оставлять на кухонном столе, а самому уходить в ванную, где я сразу вспоминал, что забыл проверить время. Чек лежал под сахарницей. Я знал номер наизусть, но всё равно иногда поднимал сахарницу. Убеждался, что синие цифры на месте.

Перчатку я положил в ящик стола. Отдельного ящика для женских перчаток у меня не было. Там лежали батарейки, квитанции и отвёртка, которой я открывал банки с краской, когда ещё собирался что-нибудь красить.

В первую ночь Тесс не пришла. Во вторую тоже.

В два сорок я посмотрел на четвёртую камеру. Через минуту посмотрел снова. Входные двери оставались закрытыми. Между ними отражались кассы и стойка с рекламой куриных крылышек.

Гас утром спросил, как дела.

— Нормально.

— Спал?

— Да.

Он поставил на стол термос и подождал, не добавлю ли я что-нибудь ещё. Потом стал рассказывать, как у него в морозилке отключилось электричество. Рыба разморозилась. Теперь он был обязан либо пригласить восемнадцать человек, либо признать, что три года хранил приманку для собственного ужина.

Я засмеялся не в том месте.

Гас посмотрел на меня, но продолжил.

Дома я придумал несколько объяснений номеру. Он мог быть чужим. Старым. Мог вообще не иметь отношения ко мне. Люди оставляют в карманах чеки, а в чеках — телефоны дантистов, водопроводчиков, людей, которые когда-то обещали перезвонить.

Только водопроводчику вряд ли понадобилось бы ждать, пока я найду его номер в чёрной женской перчатке.

На третий день я проснулся в половине второго. Прачечная внизу работала. Под полом ровно гудели сушильные машины, и кто-то время от времени хлопал дверцей так, будто пытался разбудить всё здание.

Я умылся. Налил воды в кофеварку. Вылил воду обратно: забыл положить кофе.

На экране телефона осталось три пропущенных рекламных звонка. Никаких чудес. Чудеса обычно знали, когда я сплю.

Я набрал номер с чека, хотя мог обойтись без него.

Первый гудок оказался слишком громким. Я убавил звук, как будто это помогло бы человеку на другом конце.

После четвёртого она ответила:

— Да?

За её голосом что-то шуршало. Потом стало тихо.

— Это Коул. Из магазина.

— Я знаю.

Я посмотрел на сахарницу.

— У вас высветилось?

— Нет. Вы сказали, что это Коул.

— Точно.

Она негромко засмеялась. Без магазинного эха голос был ближе, чем я ожидал. Я переставил кружку, чтобы не задеть её локтем.

— Я нашёл вашу перчатку.

— Хорошо.

— И чек.

— Это тоже хорошо.

У меня было два дня, чтобы придумать следующую фразу.

— Я не знал, можно ли звонить.

— Сейчас можно.

— А потом?

Она помолчала.

— Этот телефон не основной. Я купила его за наличные. На нём нет ничего, кроме вашего звонка.

— Я могу писать, если так…

— Лучше не надо. Если я не ответила, не перезванивайте сразу. Я сама наберу.

— Он проверяет ваш телефон?

— Грэм читает всё.

Она сказала это ровно, как сообщают прогноз погоды. Я удержал язык за зубами. Не спросил фамилию, не сделал вид, что впервые слышу о таком человеке. Просто подождал.

— Иногда ему достаточно увидеть, что я что-то удалила, — сказала она.

На улице просигналила машина. Звук дошёл и до меня, и до неё с небольшой разницей, словно мы стояли в соседних комнатах. Я почти поверил в это.

— Вы дома? — спросил я.

— Сейчас могу говорить. Не очень долго.

— Хотите встретиться?

Слова вышли прежде, чем я успел придать им какую-нибудь служебную форму. Вернуть находку. Уточнить обстоятельства. Проверить, не требуется ли помощь.

Тесс не ответила сразу.

Я провёл пальцем по ободку пустой кружки.

— Не обязательно, — добавил я.

— Хочу. Только там, где людно.

— Конечно.

— В торговом центре. На фудкорте. Через час сможете?

Я посмотрел на футболку, в которой спал.

— Смогу.

Она объяснила, где вход со стороны парковки и как найти столы возле кофейной стойки. Я знал этот торговый центр. Не тот, на Линкольн-стрит. Другой, с длинной галереей, низкими потолками и искусственными пальмами, на которых пыль жила лучше, чем покупатели в собственных домах.

— Коул?

— Да.

— Меня зовут Тесс.

Я закрыл глаза.

— Хорошо. Тесс.

— До встречи.

Телефон умолк. Я ещё немного подержал его у уха, потом положил на стол экраном вниз.

До встречи.

Я произнёс это вслух. Проверил, как звучит в моей квартире.

Потом пошёл искать чистую рубашку.

Она оказалась за двумя форменными. На воротнике был залом. Я намочил его и прижал ладонью, отчего он стал просто мокрым заломом. Побрившись, обнаружил под нижней губой небольшой порез. Прилепил бумагу. Снял. Прилепил снова.

Перчатку завернул в чистый лист, потому что не хотел нести её в кармане вместе с ключами и мелочью. Получился свёрток, похожий на доказательство.

Я убрал его во внутренний карман куртки.

В торговый центр я приехал на двенадцать минут раньше. Нашёл место у дальнего края стоянки, заглушил мотор и посмотрел на себя в зеркало. Без нашивки на груди я выглядел человеком, который забыл, зачем оделся.

У входа стояли две женщины с колясками. Они обсуждали скидки на детские ботинки. Одна придержала мне дверь, и я поблагодарил её так серьёзно, словно она поручилась за меня перед банком.

Внутри пахло корицей, жареным маслом и нагретой одеждой. Возле киоска с чехлами для телефонов молодой парень бросал резиновый шарик в пластиковое ведро. Каждый раз промахивался. Никто не обращал внимания.

Я прошёл мимо магазина мужских костюмов. Манекен в витрине стоял, выдвинув бедро и сунув большой палец в карман. У него получалось быть мужчиной без головы. Мне пока требовалась вся комплектация.

На фудкорте было полно людей. Школьники с подносами. Мужчины в рабочих ботинках. Пожилая пара, разделившая картошку фри на две аккуратные кучки. Над столами висели экраны с меню, от которых лица становились то красными, то жёлтыми.

Тесс сидела у колонны.

На ней были серый свитер, тёмное пальто и перчатки. Две. Мне почему-то стало неловко за ту, что лежала у меня в кармане. Я успел решить, что она единственная.

Тесс подняла руку, едва увидев меня.

Очков не было. След под глазом почти исчез, осталась слабая желтизна, которую легко принять за тень от верхнего света. Она сидела лицом к проходу. Соседний стул был отодвинут.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте.

Я снял куртку и тут же понял, что не знаю, куда её деть. На спинку стула — свёрток выпадет. На колени — будет казаться, что я собрался уходить. В конце концов сел прямо в ней.

— Хотите кофе?

— Я уже взяла.

Перед ней стоял бумажный стакан. Рядом лежала нераспечатанная соломинка.

— Тогда я быстро.

В очереди мне пришлось решить, какой размер кофе соответствует встрече с замужней женщиной, которая прячет телефон от мужа. Я выбрал средний. Большой выглядел бы самонадеянно.

Вернувшись, я положил свёрток на стол.

— Ваша.

Тесс развернула бумагу. Посмотрела на перчатку, затем на меня.

— Спасибо.

— Мог бы просто отдать в магазине.

— Могли бы.

Она сложила её пополам и убрала в сумку.

— Вы долго думали, — сказала она.

— Два дня.

— Я заметила.

Я снял крышку с кофе. Пар ударил в лицо.

— Не хотел сделать хуже.

Тесс посмотрела на людей за моим плечом. Мальчик пытался протащить к столу стул, на котором сидел его младший брат. Их мать продолжала раскладывать еду, не оборачиваясь.

— Я бы не оставила номер, если бы не хотела, чтобы вы позвонили.

— Да. Это сейчас кажется очевидным.

Она улыбнулась. Я увидел ту маленькую неровность у зуба и неожиданно обрадовался ей, как знакомому человеку в незнакомой комнате.

— Можем на «ты», — сказала она.

— Можем.

Некоторое время мы слушали, как пищит аппарат у соседней стойки. Сотрудник в козырьке выкрикнул номер заказа. Никто не подошёл.

— Ты сегодня работаешь? — спросила Тесс.

— В десять.

— Я тебя разбудила?

— Нет. Это сделали сушильные машины.

Она посмотрела на меня.

— Живу над прачечной.

— Шумно?

— Зато всегда знаю, когда у людей чистое бельё.

— Полезное знание.

— Я стараюсь не злоупотреблять.

Тесс обхватила стакан ладонями. На пальцах перчаток были маленькие влажные пятна.

— Я не представляла тебя днём, — сказала она.

— Я сам стараюсь.

— Ты всё время так делаешь?

— Как?

— Шутишь, когда тебя спрашивают о тебе.

Я посмотрел в стакан.

— Не всё время. Иногда просто не отвечаю.

— Хорошо. Я запомню.

Она произнесла это легко, но больше не спросила, где я живу и как сплю. Расстегнула пальто. Под ним на серой шерсти поблёскивала тонкая цепочка без подвески.

— Тебе здесь удобно? — спросил я.

— Здесь удобно почти всем.

— Ты могла выбрать место получше.

— Я выбрала место, где женщина может сидеть с мужчиной и никто не станет разглядывать.

Я машинально поднял глаза.

Над кофейной стойкой, чуть сбоку от экрана с ценами, висел чёрный полушар камеры. Ещё один — возле входа в галерею. Из комнаты охраны я бы получил отсюда хороший вид на столы.

— Зато все наши встречи под камерами, — сказал я. — Если забудем, о чём говорили, можно будет попросить запись.

Тесс проследила за моим взглядом.

— Здесь хотя бы есть кому смотреть.

Я вернул глаза к столу.

— Плохая шутка.

— Нет. Нормальная.

Она пододвинула свой стакан, освобождая место уборщику с тележкой для мусора, хотя он прошёл далеко от нас.

Я хотел спросить, что случилось за эти два дня. Почему она не приходила. Где был Грэм. Вместо этого сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.